

Ю. С. Воронов, Н. В. Любезнова

**ДЖОН КЕННЕДИ — ПОЛИТИК
И ОРАТОР**

Саратов
2016

УДК 808
ББК 83.7

Авторы:

Воронов Ю.С., доктор филологических наук, профессор, автор около 600 публикаций по истории и теории ораторского искусства, публицистики, литературы
Любезнова Н.В., кандидат филологических наук, автор ряда работ по проблемам культуры речи, риторики, в том числе академического, политического и военного красноречия.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *М. Б. Борисова*,
доктор исторических наук, профессор *С.А. Овчинников*,
доктор политических наук, профессор *А.А. Коробов*

Воронов Ю. С.

Джон Кеннеди – политик и оратор / Ю. С. Воронов, Н. В. Любезнова. – Саратов: Издательство «Вузовское образование», 2016. — (Высшее образование). — 55 с. — Док. опубл. не был. — Доступ с сайта ЭБС IPRbooks.

О Джоне Кеннеди написано много. При его жизни это были журналисты, политологи, позднее — мемуаристы-соратники, родственники, историки, новые политические деятели.

Представляемый читателю очерк — это лишь отдельные штрихи к его политическому портрету. Авторам показалось, что еще недостаточно уделено внимания искусству общения Д. Кеннеди с соотечественниками и международным обществом. В частности, неполно охарактеризован так называемый риторический компонент, который в определенной степени способствовал усилению его воздействия на аудиторию.

Авторы благодарят за помощь в подготовке очерков профессоров Борисову М.Б., Овчинникова С.А., Коробова А.А., доцента Макарова А.А., переводчика Уколова А.Ю., программистов Ярмолика И.М., Сергееву Н.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Без предисловий	4
Нестандартный корреспондент и политик во мнении А. А. Громыко	7
Чему учил отец?.....	8
Штурм Конгресса и Сената	9
Курс на Белый Дом.....	10
Историческая вершина карьеры	15
Ухабы холодной войны.....	19
Хрущев и Кеннеди.....	20
Посол СССР о Президенте США.....	22
Советские журналисты и историки о Д. Кеннеди.....	23
Карибский кризис	25
Наука, образование, СМИ, национальные проблемы в поле зрения Президента	27
Политическое завещание о мире между народами.....	28
ПРИЛОЖЕНИЯ	38
Инаугурационная речь Джона Кеннеди на русском языке.....	38
Инаугурационная речь Джона Кеннеди на английском языке.....	40
Выступление президента США Дж. Кеннеди в Американском университете в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия)	43
Джон Кеннеди в зеркале цитат и высказываний.....	50
ЛИТЕРАТУРА	55

Без предисловий

Мы в своей стране испытываем сейчас нужду большую, чем в атомной, воздушной, финансовой, промышленной и даже людской мощи. Мы нуждаемся в мощи идей.

Д. Кеннеди

Середина XX столетия выдвинула в число крупнейших государственных деятелей Соединенных Штатов Америки Джона Фицджеральда Кеннеди.

В многотомном «Дипломатическом словаре» СССР вся жизнь и деятельность этой неординарной личности вмещена в следующие строки:

«Кеннеди Джон Фицджеральд (1917-1963), государственный и политический деятель США. В 1947-1953 — член палаты представителей; в 1953-1960 — сенатор; в 1961-1963 годах — президент США. В области внешней политики провозгласил стратегию «гибкого реагирования», призывал укреплять военную мощь США и военные блоки Запада при одновременном использовании экономической помощи и идеологических средств для «сдерживания коммунизма». При Кеннеди было начато массированное наращивание ракетно-ядерного арсенала США. В 1961 санкционировал подготовленное ЦРУ вторжение контрреволюционеров на Кубу, в 1962 году пошел на обострение советско-американских отношений. В дальнейшем перешел на более реалистические позиции в отношении СССР. В 1963 поддержал заключение «Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой».

Убит в г. Далласе (штат Техас)¹.

Короткой, по теперешним меркам (46 лет), была жизненная стезя Джона Кеннеди. Коротким был и срок его пребывания в должности президента великой державы. Трагическая гибель вызвала в США и в других странах глубокое сочувствие к нему. И, конечно же, кроме лаконичных статей в энциклопедических словарях о Кеннеди существует обширная историко-мемуарная литература, особенно о тайне его гибели.

Несмотря на обширность опубликованных материалов, еще не все стороны деятельности Кеннеди исследованы, проанализированы с достаточной полнотой и тщательностью. Речь, в частности, может идти о том, как Кеннеди реализовывал свои взгляды, свое политическое видение мира посредством пера журналиста и, особенно, с помощью живого устного слова политического оратора.

Кеннеди произнес в период соответствующих политических кампаний, а также уже будучи конгрессменом, сенатором, президентом многие сотни (если не тысячи) речей. Некоторые из них, такие как речь во время инаугурации (речь от 10 июня 1963 года), стали интеллектуальной собственностью не только национального, но и мирового масштаба.

Оценить в полной мере, с максимальной объективностью ораторское искусство Джона Кеннеди нашим современникам уже не удастся. Однако отдельные наблюдения, некоторые выводы из его практической деятельности, пожалуй, еще

¹Дипломатический словарь.: В 3 т.М., 1986. Т.2, С.30

возможны, если обратиться к текстам его речей, к тем его выступлениям, по которым есть звуковые записи, к свидетельствам лиц, которые видели, знали, наблюдали Кеннеди, к мемуарам о нем, к фотографиям, запечатлевшим его как оратора. К телесюжетам и т.п.

Результаты такого рода наблюдений, выводы и обобщения могут представить определенный интерес для политических деятелей нашего времени.

Нестандартный корреспондент и политик во мнении А. А. Громыко

Формирование Кеннеди как будущего крупного политического деятеля не завершалось ни годами активной юности, ни годами Второй мировой войны. Это формирование постепенно складывалось во всей его последующей деятельности. Люди, которые знали будущего президента, общались с ним, оставили для современных поколений содержательные воспоминания.

Именно к таким воспоминаниям можно отнести мемуары Андрея Андреевича Громыко, известного дипломата самого высокого ранга. В первом томе, в главе восьмой его книги «Памятное» есть интересный очерк с оригинальным названием: «Нестандартный корреспондент». В нем повествуется о Кеннеди той поры, когда он был еще сравнительно молодым общественно-политическим деятелем, но который уже тогда обратил на себя внимание зрелых политиков.

Вот что пишет А. А. Громыко:

«Впервые мне довелось встретиться с Джоном Кеннеди еще в 1945 году на конференции в Сан-Франциско. Он, пользующийся популярностью корреспондент, обратился ко мне с просьбой дать ему интервью.

Я согласился. Встреча состоялась в отеле «Сан-Френсис», где остановилась советская делегация. И сегодня помню обстоятельство его вопросов, которые относились главным образом к положениям разрабатываемого устава новой организации.

Беседа, содержание которой публиковалось в печати США, оставила у меня положительное впечатление. Мне показалось, что собственные суждения Кеннеди, которые он высказывал наряду с постановкой вопросов, созвучны взглядам Франклина Рузвельта.

Во время беседы я обратил внимание на то, что Кеннеди в вопросах внешней политики ориентировался хорошо. О мнении Рузвельта по соответствующим вопросам он говорил со знанием дела. Так мог говорить только человек, связанный с Белым домом, либо с людьми, которые стояли близко к президенту. По ходу беседы я даже полушутя заметил:

– Не принимали ли вы участия в формулировании предложения Рузвельта по ООН для Крымской конференции?

В ответ Кеннеди сказал

– Я такого участия, конечно, не принимал, но с окружением президента у меня хорошие связи и к тому же мой отец является другом Рузвельта.

Это многое прояснило»¹

Очерк мемуариста интересен и тем, что в нем есть суждения, характеризующие Кеннеди как собеседника, как человека, обладающего умением поддерживать контакт, быть занимательным и серьезным в общении по сложным проблемам.

«Манера разговора, – писал Громыко, – высказывания взглядов у будущего президента отличались своеобразием. Почти ни по одному вопросу он не сказал ничего такого, что расходилось бы с нашей принципиальной позицией в вопросах Устава ООН. Даже в тех случаях, когда позиции СССР и США считались противоположными, Кеннеди ограничивался тем, что выслушивал меня, не вступая в полемику. В некоторых случаях он даже высказывал понимание наших мотивов.

¹ Громыко А.А. *Памятное*: В 2 т. М., 1988. Т.1 С. 398-399

Разумеется, я знал, что собеседник представляет семейство мультимиллионеров. Но он, как, впрочем, и семейство в целом, включая погибшего впоследствии также от пули убийцы брата Роберта, был настроен в пользу поддержания между двумя великими державами отношений, основанных на взаимопонимании.

В этом он видел смысл договоренности по вопросу о «вето», принятой в Ялте.

Кеннеди-корреспондент вел себя не назойливо. Вопросы ставил в форме как бы собственных рассуждений. Затем делал паузу и, скорее, глазами спрашивал: нет ли у меня каких-либо комментариев по затронутому вопросу?

Мне нравилась такая манера. Да Кеннеди, собственно, в какой-то степени сохранил ее и в последующем»¹

Первая встреча А.А.Громыко с Джоном Кеннеди «продолжится» через много-много лет, вернее, продолжится разговор, начатый при их первой встрече. Кеннеди уже был в Белом доме. Вот что писал А.А.Громыко:

«При первой встрече в Белом доме после избрания Кеннеди президентом он вспомнил о беседе, состоявшейся в Сан-Франциско. Я заметил:

– А знаете, господин президент, у меня тогда сложилось мнение, что вы были корреспондентом нестандартным.

Кеннеди добродушно рассмеялся.

В ходе встречи в Белом доме Кеннеди познакомил меня со своей семьей – женой Жаклин и двумя детьми. Состоялось знакомство на хорошо ухоженной лужайке перед Белым домом до начала беседы, которая происходила в помещении, где к нам присоединились А.Ф. Добрынин и Г.М. Корниенко².

«Нестандартность» Кеннеди, на которую А.А.Громыко обратил внимание еще в 1945 году, действительно имела место. Она, возможно, проявилась еще раньше и была замечена в его юные годы, когда Кеннеди обратил на себя внимание книгой «Почему Англия спала?», в которой он рассматривал последствия мюнхенского предательства. После войны он получил одну из высших журналистских наград, Пулитцеровскую премию, за книгу очерков «Биографии мужественных людей». Такие факты не были случайными, как не явилось случайным и его появление в Белом доме. Это хотелось бы подчеркнуть с самого начала, несмотря на многочисленные мемуарные и иные свидетельства о том, что де «решающую роль» сыграли доллары, общие усилия клана Кеннеди и т.п. Отрицать такие сопутствующие факторы нельзя, однако главное, пожалуй, заключалось в том, что была личность, личность незаурядная, крупная.

Чтобы полнее уяснить своеобразие Джона Кеннеди как политического деятеля и политического оратора, было бы целесообразно обратиться к более ранним периодам его жизни, хотя бы к отдельным фрагментам из той поры.

Чему учил отец?

Известно, какую важную роль в формировании личности имеют годы детства и юности. Биографы не раз обращали внимание на то, что у отца будущего президента, Джозефа Кеннеди, была своя «метода» воспитания детей. В частности, в семье исключительно важная роль отводилась физическому воспитанию, спорту. Отец не жалел на это денег и нанимал лучших тренеров. Однако он не собирался растить из

¹ Там же.

² Громыко А.А. Памятное. Т. 1. С. 399

детей спортсменов-профессионалов. Он просто считал, что занятия спортом привьют им надежные бойцовские качества. Еще про одну из особенностей «идеологии» отца в воспитании детей рассказывал его сын — Роберт Кеннеди. Джозеф часто повторял своим сыновьям: «Мне совершенно безразлично, кем ты будешь в жизни. Главное, чтобы ты был первым. Быть вторым — плохо. Самое главное — победить, не прийти вторым или третьим, а победить, победить, победить!».

И еще часть воспитательной «методы»: отец не считал необходимым вмешиваться в отношения детей, когда между старшими и младшими сыновьями возникали острые потасовки. Будущему президенту, как говорят, не раз изрядно попадало от старшего брата. Близкие к семейству Кеннеди люди будто бы свидетельствовали, что разжигание соперничества между сыновьями было едва ли не главным методом воспитания Джозефа Кеннеди. Старшие сыновья (Джозеф и Джон), а также младшие (Роберт и Эдвард), вечно подзуживаемые отцом, провели детство в непрестанном стремлении обойти один другого во всем: в играх, в занятиях, в спорте, в выносливости и даже в красноречии.

Приобретенные бойцовские качества неплохо послужат Джону Кеннеди впоследствии. Такие качества пригодятся ему в университетские годы, в годы Второй мировой войны, когда он будет командовать торпедным катером, и в тот период, когда он будет журналистом, и тогда, когда станет на стезю политической деятельности.

В 1940 году Джозеф Кеннеди, миллионер, опытный политик, предпринял попытку выступить соперником Ф.Д.Рузвельта на выборах на пост президента США. Намерениям не суждено было сбыться. Тогда отец делает ставку на старшего сына — Джозефа Кеннеди, но тот погибает. Джозеф прочит на пост президента второго сына — Джона Кеннеди, он предпринимает все, чтобы ввести Джона в большую политику.

Штурм Конгресса и Сената

Летом 1946 года в Бостоне, в лучшем отеле «Ритц-Карлтон», глава семейства снимает дорогой многокомнатный номер, в котором развертывает штаб предвыборной кампании для Джона. В ход пускаются огромные денежные ресурсы. Кроме того, к выборам подключается буквально все огромное семейство. Особенно успешную деятельность развила мать — Роза Кеннеди. В итоге: Джон Кеннеди становится конгрессменом.

В 1952 году семейство Кеннеди бросает вызов Генри Кэботу Лоджу, одному из зубров республиканской партии. В ход пускаются и деньги, и все средства и приемы предвыборной борьбы. И снова Розе Кеннеди не было равной в изобретательности. Особенно «продуктивными» были организуемые ею «женские чаепития». Обретал уверенность в общении с женщинами и будущий сенатор. Мемуаристы в книгах приводят такие слова Джона Кеннеди, которые он будто бы произнес на чаепитиях перед дамами:

«Во-первых, по странной причине в штате Массачусетс больше женщин, нежели мужчин. Во-вторых, мой дед, покойный Джон Фицджералд, боролся за место в сенате США 36 лет тому назад с дедом моего нынешнего противника Генри Кэботом Лоджем-старшим. Тогда мой дед проиграл, его противник получил на 30 тысяч голосов больше. Это случилось в то время, когда женщины на выборах не

имели права голоса. Теперь, надеюсь, что, апеллируя к вам, милые женщины-избирательницы, я сумею с лихвой наверстать упущенное в тот раз».

Женщины от очаровательного молодого человека были в восторге. Они с кокетством изрекали:

– «Ах, как он мил, как очарователен!»

Именно в эту, 1952 года, предвыборную кампанию у Джона Кеннеди сольются в неразрывное единство риторика и политика. Вот как описал ход этой кампании известный историк, публицист В.Зорин, хорошо знавший лабиринты политической жизни Соединенных Штатов Америки:

«Предвыборная схватка развертывалась по уже опробованным канонам. Все дома, телеграфные столбы и автобусы штата были оклеены лозунгами, призывавшими голосовать за «надежду Массачусетса — Джона Кеннеди». Его лозунгами в те дни были: «Улучшим рыболовство Массачусетса!» – это для тех, кто зарабатывает хлеб насущный рыбной ловлей; «Улучшим обувную промышленность Массачусетса!» – для рабочих-обувщиков; «Улучшим текстильные фабрики Массачусетса!» – это для многочисленного отряда текстильщиков и т.д.

Кандидат щедро обещал всем все и каждому то, что тот пожелает. Он не чурался ничего, колесил по штату, произносил речи на каждом углу, пожимал руки, целовал детишек и как-то даже, встретив на улице маршировавший оркестр, подскочил к дирижеру, вырвал у него палочку и под восторженное улюлюканье мальчишек, под треск кинокамер и щелчки фотоаппаратов продефилировал по Бостону во главе оркестра, по-дирижерски размахивая жезлом. И вновь за кулисами упорно, с каким-то даже ожесточением действовал Кеннеди-отец»¹.

Вчерашний конгрессмен становится сенатором. Через три-четыре года его имя войдет в число звезд первой величины, претендующих на высшую власть в США.

Курс на Белый Дом

И вот 1960 год, 2 января. В 12 часов 30 минут в малом зале Сената перед журналистами выступает Джон Кеннеди:

«Сегодня я выставляю свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов».

С данного момента, этими словами Джон Кеннеди официально начал свой долгий путь к Белому дому.

В речи Кеннеди изложил основные цели своей программы, а именно:

«Как положить конец дорогостоящей гонке вооружений, в которой СССР угрожает нашему существованию; как сохранить свободу и порядок в развивающихся странах; как придать новый импульс научным исследованиям и образованию в Соединенных Штатах; как избежать разорения нашего сельского хозяйства и ухудшения обстановки в городах; как добиться нового экономического подъема без роста инфляции и безработицы; что, наконец, предпринять, чтобы все американцы прониклись пониманием того, какие серьезные опасности перед нами стоят и какие потрясающие возможности для нас открыты».

Кеннеди осознает, что до победы ему очень далеко. Он знает, что его соперники, безусловно, будут отчаянно спекулировать на его молодости. В истории Соединенных Штатов Америки еще не было такого прецедента, когда бы такой

¹Зорин В. Мистеры миллиарды. М., 1968. С. 126

молодой человек претендовал на высший пост в государстве. Он знал и о том, что еще ни один католик ни разу не становился хозяином Белого дома. К тому же очередные опросы показывали, что руководство демократической партии настроено больше в пользу Линдона Б.Джонсона, Эдлая Стивенсона или Губерта Хэмфри. В конгрессе симпатии лидеров демократов распределялись между Хэмфри и Джонсоном. К тому же Кеннеди, в отличие от своих соперников, не пользовался какой-либо поддержкой во властных структурах.

12 февраля 1960 года, Фресно, Калифорния. Джон Кеннеди выступает на собрании клубов демократической партии Калифорнии. В речи он убеждает слушателей в том, что он готов принять на свои плечи тяжелое бремя президентства, что он знает о сложности всех международных и внутренних проблем и способен их позитивно разрешать. С этого времени Кеннеди все острее и острее будет подвергать критике действующую администрацию, другие институты власти за вялость в работе, Эйзенхауэра он назовет «слабым политиком». Будет подвергать критике инертность республиканской партии, осуждать ее реакционное крыло и т.д.

Первая половина 1960 года для Джона Кеннеди была воистину изматывающей. Со своей командой он проехал по стране десятки тысяч километров и выступил многие-многое сотни, если не тысячи, раз. Кеннеди все более становился фигурой национального значения. Рейтинг его неуклонно возрастал. Он побеждает на первичных выборах в десяти штатах, затем одерживает победу над Губертом Г. Хэмфри, своим главным противником в борьбе за место кандидата от демократической партии.

Он обходит конкурентов уже на первичных выборах в Нью-Гэмпшире. Здесь он одерживает победу, получив 85 процентов голосов. Почти одинаковыми были результаты в штате Висконсин, вотчине Хэмфри, который несколько поспешил упрекнуть Кеннеди в том, что он слишком молод, да к тому же еще и католик.

Кеннеди, продолжая активно выступать, выигрывает выборы в Иллинойсе, Пенсильвании, Индиане, Массачусетсе. Трудности Кеннеди ожидал в Западной Виргинии. Именно в том штате должна была решиться его судьба, так как здесь среди избирателей было около 20% католиков.

Кеннеди осуществил правильный маневр, решив выступить и ответить на вопросы о его принадлежности к католической вере. Свою речь он произнес в Ассоциации владельцев газет в Вашингтоне. Кеннеди, в частности, заявил следующее:

«Я полагаю, американцев больше интересуют взгляды и способности человека, а не религия, которую он исповедует. Институт президентства в Соединенных Штатах не имеет ничего общего с британской монархией, играющей определенную роль в государстве и в церкви.

Президента выбирают не для того, чтобы он защищал чью-то веру или выступал хранителем общественной морали. Ходить или не ходить в церковь по воскресеньям — это его личное дело. Если в этой стране существует сектантство, ну что же, пусть существует. Но если это сектантство препятствует деятельности человека, четко заявившего о своей независимости и выступающего за отделение церкви от государства, то об этом люди должны знать».

10 мая объявляются результаты выборов в Западной Виргинии, и Кеннеди узнает, что им одержана внушительная победа. Перевес был значительный: за Кеннеди подано 60,8 процента голосов.

С этого времени с Хэмфри было все «покончено», последний отказывается от дальнейшей борьбы, а Кеннеди предстоит еще победить другого соперника от республиканской партии. Речь идет о Ричарде Никсоне.

В выступлениях Кеннеди в период президентской кампании не раз выражалась мысль, что Соединенным Штатам, их правительству необходимо изменить устаревший курс политики, расстаться с устаревшими, набившими оскомину лозунгами. Он призывал думать над тем, чтобы выработать конструктивные идеи по разрешению германского вопроса, по Западному Берлину, по контролю над вооружениями и т.д.

В ряде его выступлений, а это наблюдалось еще и в его речах, когда он был сенатором, сквозила мысль о том, что к решению сложных вопросов должен быть осуществлен интеллектуальный, научный подход. Он выдвигал идею «синтеза политики и науки». В одном из своих выступлений этого периода он говорил:

«Среди первых великих политических деятелей Америки, тех, кто дал ей рождение в 1776 году, а в 1787 году дал ей крещение, находилось большинство крупнейших писателей и ученых нации. Ныне дело обстоит не так. Разрыв между умственным работником и политиком, по-видимому, растет, связь между ними утрачена. Где они, ученые государственные мужи?». Политиков, по мнению Кеннеди, «следует для отрезвления окунать в студеные воды научных учреждений, чтобы они не стали пленниками собственных лозунгов и точек зрения» (из речи в Гарвардском университете).

Лос-Анджелес, 15 июля 1960 г. сенатор Джон Кеннеди становится кандидатом в Белый дом от демократической партии. После голосования Джон Кеннеди произнес речь. Он заявил:

«Повсюду в мире к власти приходят новые, молодые люди, не связанные традициями прошлого, не ослепленные старыми страхами, соперничеством, ненавистью, отринувшие старые лозунги, иллюзии и подозрения. Сегодня мы выходим на новые рубежи, рубежи 60-х годов. За этими рубежами скрываются неизвестные возможности и опасности, надежды и угрозы. Все это бросает нам вызов», – подчеркнул Кеннеди.

«Эта новая ситуация вынуждает меня не предлагать американскому народу то, что мне хотелось бы, а просить его согласиться с определенными вещами. Я уверен, что нам скорее придется принести новые жертвы, чем обрести большую безопасность. Хотим мы того или нет, но такова новая обстановка. Я убежден, что наше время требует перемен, находчивости, воображения, смелых решений.

Новые рубежи являются поворотным моментом истории. Мы еще раз должны доказать, что наша страна в состоянии принять вызов, что наше общество сможет противостоять напору коммунизма. Все человечество ждет, что мы проявим решимость. Весь мир смотрит, что мы будем делать. Мы не можем его разочаровать». Такими в тот момент представлялись задачи новому кандидату в президенты. Очевидцы выступления свидетельствовали, что присутствующие с одобрением отнеслись к этой речи Кеннеди.

По окончании работы съезда демократов Джон Кеннеди уже как кандидат от демократической партии, произнося речь 16 июля 1960 года, говорил:

«Семь долгих лет засухи и голода истожили поле идей. Густая мгла опустилась на наши руководящие органы, и гниль, берущая свое начало в Вашингтоне, просачивается во все уголки Америки... Пора новому поколению руководителей, новым людям приступить к решению новых проблем, использовать новые

возможности... Сегодня некоторые скажут, что... все горизонты изведаны, что все битвы выиграны, что американского рубежа больше нет.

Нет... не все проблемы решены, не все битвы выиграны, мы стоим сегодня на новом рубеже – 60-х годов, неизведанных возможностей и опасностей, неосуществленных надежд и угроз. Новый рубеж здесь, независимо от того, ищем мы его или нет. За этим рубежом находятся неизведанные области науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предрассудков, неразрешенные проблемы нищеты и излишка... Суровые факты таковы, что мы стоим на этом рубеже, являющимся поворотным пунктом в истории».

Произнося речи в Лос-Анджелесе, Кеннеди максимально использовал все свои ораторские возможности. Как бывший журналист он, конечно же, свободно владел словом, умел построить речь живо, динамично, образно. Наблюдения над стилем его речей показывают, что он широко использовал всю совокупность средств и приемов ораторского воздействия на слушателей. В его речах встречаются практически все известные в теории и практике ораторского искусства риторические средства, приемы, фигуры.

В приведенных отрывках выступлений оратор особенно эффектно пользуется приемом метафоризации слов и отдельных выражений. Он неоднократно в целях повышения эмоционального напряжения речи использует прием повтора, антитезы (противопоставления) и другие. Он мастерски употребляет удачные эпитеты для характеристики тех или иных общественно-политических явлений, активно прибегает к употреблению эмоционально окрашенной лексики вообще.

Решение демократической партии о выдвижении кандидатуры Кеннеди на пост президента, разумеется, было серьезным шагом в его продвижении к вершине политической власти. Однако препятствий, терний на этом пути было еще немало. Так, хотя и не неожиданно, возник «религиозный вопрос» Кеннеди. Он был католик. Протестанты США создали Национальный комитет за свободу религии. Комитет опубликовал коммюнике, в котором утверждалось, что Кеннеди не сможет противостоять возможным давлению на него со стороны католической церкви. На что Кеннеди ответил в своем выступлении по телевидению, которое транслировалось в Хьюстоне:

«В ходе избирательной кампании мне не задают серьезные вопросы под тем предлогом, что я католик и что никогда ни один католик не избирался президентом».

Далее Кеннеди заявил:

«Я верю в такую Америку, где будет осуществлено полное отделение церкви от государства и где ни один католический прелат не укажет президенту (если он католик), что он должен делать, и где ни один протестантский пастор не станет подсказывать прихожанам, за кого им голосовать. Я верю в Америку, которая не будет ни католической, ни еврейской, ни протестантской и где ни один чиновник не последует советам ни папы римского, ни Национального совета церквей, ни каких-либо других церковных инстанций. Я верю в такую Америку, где религиозная нетерпимость однажды исчезнет, где все люди и все религии будут равны, где каждый человек получит право идти или не идти в церковь, где не будет места голосованию католическому или антикатолическому.... Я за такого президента, чья вера – его личное дело, который не пытается навязать ее стране и которому страна не пытается навязать ее как условие его избрания.

Вот в такую Америку я верю, за такую страну я воевал на Тихом океане, а мой брат погиб в Европе. Никто тогда не ставил под сомнение наш патриотизм. Никто не

утверждал, что мы не поддерживаем свободу или принадлежим к тем коварным людям, посягающим на свободу, за которую погибли наши предки».

Выступление кандидата в президенты достигло своего эмоционального апогея, когда он решительно заявил, что подаст в отставку с поста президента, если хотя бы раз ему придется выбирать между своими религиозными убеждениями и интересами государства.

«Я не католический президент. Я кандидат в президенты от демократической партии, который по воле случая является католиком. Я не высказываюсь по государственным вопросам от имени моей церкви, и церковь не говорит от моего имени. Какой бы вопрос я не рассматривал как глава исполнительной власти, будь то проблемы развода, планирования семьи, цензуры или азартных игр, я буду основывать решение на своих политических убеждениях и интересах страны, не считаясь с давлением со стороны церковных деятелей. Никакая сила, никакая угроза не заставят меня поступить иначе...».

Заключительная часть этого выступления имела особенно высокий эмоциональный накал. Вот что, подводя итог своим суждениям, заявил Джон Кеннеди:

«Если бы случилось так, что в определенный момент мне пришлось изменить своим взглядам или интересам страны, я бы покинул этот пост.

И я убежден, что каждый государственный чиновник поступил бы таким же образом. Но по-прежнему уверен, что такой выбор передо мной не встанет. Я не стану извиняться перед моими критиками, будь они католиками или протестантами, за подобные убеждения. И я не буду отказываться от своих взглядов и своей религии ради избрания».

Выступление Кеннеди произвело сильное впечатление, хотя, может быть, и не убедило всех. Вместе с тем кандидат в президенты наглядно продемонстрировал свои бойцовские качества, показал себя острым полемистом.

Соперничество Кеннеди и Никсона на встречах с избирателями, на вечерах и митингах, на дебатах по радио ставило их, примерно, в равное положение. Так было до 20-х чисел октября 1960 года. К 22 октября теледебаты завершились. Есть свидетельства, которые говорят о том, что оба кандидата на пост президента во время всех четырех дебатов держались хорошо. Однако есть утверждения о том, что Кеннеди выглядел более телегеничным. И в этом смысле телевизионный экран все изменил.

Вот некоторые суждения на данный счет.

«Специалисты считают, например, что во время предвыборной борьбы Никсон своим внешним видом буквально подыгрывал Кеннеди. Знаменитые теледебаты в 1960 году (а затем и сами выборы) Ричард Никсон проиграл Джону Кеннеди только из-за толстого слоя пудры, которую штатные имиджмейкеры неудачливо всюду таскали с собой. Размытый розовато-голубоватый тон, при солнечном свете придававший Никсону интересную бледность и молоджавость, под софитами моментально прибавил ему десяток «трудно прожитых» лет. На экране лидер республиканцев выглядел мертвецки усталыми изможденным. Зато на его фоне особенно эффектно смотрелся легкий загар пышущего здоровьем демократа Кеннеди, предусмотрительно отказавшегося гримироваться перед эфиром»¹.

¹ Власть.2000. № 37 (388). С. 36.

Другой источник о визуальном эффекте теледебатов двух претендентов представляет почти идентичную картину, правда с несколько иными нюансами.

«Сенатор из Массачусетса выглядел здоровым и оживленным на фоне стоявшего рядом вице-президента, лицо которого покрыли бледным тоном, чтобы скрыть быстро пробивающуюся щетину. Никсон, недавно покинувший больницу, где он лечил коленный сустав, сильно похудел, и воротничок его рубашки был слишком свободен. Благодаря молочным коктейлям Никсону в конце концов удалось немного набрать вес, но не удалось завоевать симпатию избирателей, которой он пользовался восемь лет назад. Правда, Никсона знали лучше, чем его молодого соперника-демократа, однако теледебаты устроили и это преимущество»¹.

Джон Кеннеди, равно как и его супруга Жаклин, уделял большое внимание своему внешнему виду. Собственно вопросам зрительного эффекта уделяли внимание и многие другие президенты и вообще высокопоставленные лица Соединенных Штатов Америки. Американские психологи считают, что «...впечатление публики от политика лишь на 7% зависит от содержания его речей, в то время как от тембра голоса — на 38%. И на целых 55% зависит оно от его внешнего вида». В некоторых избирательных кампаниях, как говорят иногда в шутку, идет «настоящая война гардеробов» претендентов.

Дискутировать по поводу таких данных смысла, конечно, нет. Возможно, что такое, действительно, характерно для американского общества. Однако, надо полагать, победу Джону Кеннеди обеспечили более серьезные аргументы.

Историческая вершина карьеры

Вашингтон, 20 января 1961 года. Тысячи американцев, несмотря на холод, собрались перед Капитолием, чтобы увидеть церемонию присяги 35-м президентом.

Архиепископ Бостона кардинал Кушинг произнес молитву, затем Мэриан Андерсон спела национальный гимн, а один из старейших поэтов Америки Роберт Фрост прочитал одно из своих знаменитых творений — прочитал по памяти, так как ослепленный лучами солнца, не мог разглядеть текст.

Затем председатель Верховного суда Эрл Уоррен попросил президента принести присягу, после чего Джон Кеннеди произнес одну из самых коротких в XX столетии инаугурационных речей.

Ровно в 12 часов 51 минуту Джон Кеннеди положил руку на Библию своего прадеда Томаса Фицджеральда и поклялся «хранить и защищать Конституцию Соединенных Штатов». В своей речи Джон Кеннеди обратился к «новому поколению» с призывом бороться против «войны, тирании, нищеты и болезней».

Вот эта по-своему уникальная речь в извлечениях:

«Мы празднуем сегодня не победу одной партии, но присутствуем на церемонии в честь победы... Ибо я принес присягу перед вами и перед Богом, ту торжественную присягу, текст которой составили наши предки 175 лет назад. Современный мир стал иным. Человек сегодня обладает возможностью уничтожить все формы бедности, так же как и все формы жизни. На всей планете получила распространение революционная идея, за которую боролись наши предки, идея прав человека, дарованных Богом, а не милостью государства.

¹ Судьбы XX века. Джон Кеннеди. Новые факты. Редкие документы. Уникальные фотографии. М., 1999. С. 49.

Здесь и сейчас заявляю всему миру, что эстафета передана новому поколению американцев, родившихся в этом веке, сформировавшихся в войне, воспитанных в условиях сурового и горького мира, гордых полученным наследием и полных решимости не быть ни свидетелями, ни соучастниками разрушения этих прав человека, которые наша страна всегда защищала и которые сегодня мы будем защищать и у себя в стране, и во всем мире. Нашим старым союзникам... мы обещаем свою верность. Объединенные, мы способны свершить все... Разделенные, мы не сможем сделать ничего. Новым государствам, которые мы принимаем в ряды свободных наций, мы говорим: одна форма колониального господства ликвидирована не для того, чтобы ее сменила другая, намного более беспощадная тирания. Мы не просим их всегда бороться рядом с нами. Но мы надеемся, что они будут всегда готовы бороться за свободу. Мы надеемся, что они помнят, как в прошлом некоторые безумцы, желавшие стать всемогущими, пытались усмирить тигра, но кончили тем, что попали к нему в пасть. Живущим в хижинах и деревнях народам, которые составляют половину населения Земли и пытаются освободиться от пут нищеты, мы обещаем сделать все, чтобы помочь им научиться помогать самим себе.... Республикам, находящимся к югу от наших границ, мы предлагаем превратить красивые слова в дела, создать союз ради прогресса, помочь людям и правительствам свободных стран порвать пути нищеты. Но эта мирная революция не должна стать добычей враждебных сил. Пусть все наши соседи знают, что мы будем рядом с ними, чтоб противостоять агрессии и подрывной деятельности повсюду на Американском континенте. И пусть другие державы знают, что страны Западного полушария намерены оставаться хозяевами в своем доме. Мы вновь обещаем поддержку всемирному собранию суверенных государств, каким является Организация Объединенных Наций... Наконец, странам, которые выступают как наши противники, мы официально предлагаем: давайте начнем сообща искать пути к миру, прежде чем мрачные силы разрушения, высвобожденные наукой, не приведут к умышленному или случайному уничтожению всего человечества. Две крупные и могущественные группировки стран не должны мириться с нынешним положением дел. Обе они находятся под бременем расходов на современные вооружения, обе обоснованно встревожены растущей угрозой атомной смерти, и тем не менее каждая из них стремится нарушить в свою пользу хрупкое равновесие страха, которое удерживает пока от военного взрыва, означающего конец человечества. Поэтому давайте начнем еще раз вместе обсуждать проблемы, помня при этом, что вежливость вовсе не означает слабость и что искренность должна подтверждаться делом. Пусть с одной и с другой стороны впервые будут выдвинуты серьезные предложения об инспекции и контроле над вооружениями, и пусть абсолютная сила, которая может уничтожить страны, будет поставлена под абсолютный контроль всех стран... Давайте вместе исследовать звезды, побеждать пустыни, искоренять болезни, изучать океаны и поощрять искусство и торговлю...

И если первые успехи сотрудничества приведут к устранению подозрительности, то тогда обе стороны смогут объединиться для успешного решения новой задачи — создания царства права, где сильные были бы справедливы, слабые — в безопасности, а мир в целом — защищен. Все это нереально осуществить за первые сто дней. Ни даже за тысячу первых дней, ни даже на протяжении всех дней работы новой администрации. Может быть, на это не хватит всей нашей жизни. Но пусть это не помешает нам хотя бы начать.

От вас, мои дорогие сограждане, еще больше, чем от меня, зависит окончательный успех или провал нашего начинания. С первых дней основания нашего государства каждое новое поколение американцев приносило доказательство своей верности стране. Могилы молодых американцев, откликнувшихся на ее призыв, разбросаны по всей земле. И снова труба зовет нас: но на этот раз речь идет не о призыве к оружию, хотя оружие нам и необходимо – речь идет не о призыве к бою, хотя мы и ведем борьбу; сегодня труба призывает нас взять на себя тяжкий труд великих усилий и нести его на протяжении всего года, оставаясь «счастливыми в надежде и терпеливыми в неудачах», усилий, направленных против наших общих врагов: тирании, бедности, болезней и даже самой войны. В состоянии ли мы создать против этих врагов внушительный и твердый союз с Севера до Юга и с Востока до Запада, который обеспечит всему человечеству более достойную жизнь? Включимся ли мы в это историческое начинание? За всю долгую мировую историю лишь нескольким поколениям выпала обязанность защитить свободу, когда она подвергалась самой большой опасности. Я не откажусь от такой обязанности, я приму ее с радостью. Я не думаю, что кто-либо из нас захотел бы поменяться местами с другим народом или другим поколением.

Энергия, вера, преданность, которые мы привнесем в это начинание, как пламя, озарят нашу страну и всех тех, кто посвятит себя ему. Это пламя осветит и весь мир. Поэтому, мои дорогие соотечественники, не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас. Спросите себя, что вы можете сделать для своей страны.

А вы, граждане стран мира, не спрашивайте, что Америка сделает для вас. Спросите, что вы можете сделать для свободы человека. Неважно, кто вы, граждане Америки или граждане других стран, вы можете потребовать от нас столько же усилий и жертв, сколько мы сами можем потребовать от вас.

Соотечественники нового президента с восторгом встретили его речь. Вот как, в частности, реагировал на нее Арманд Хаммер:

«Как и все американцы, я был вдохновлен его прекрасной речью, особенно словами: «Каждому из нас следует задать себе вопрос: что может сделать он для своей страны, а не что страна может сделать для него». Когда он сказал: «...сегодня вымпел перешел к новому поколению...рожденному в этом столетии», я, несмотря на свой возраст, почувствовал себя принадлежавшим к этому новому поколению, полному энергии и надежды, взявшему на себя руководство страной».

М. А. Меньшиков в своих мемуарных записках так вспоминает о дне инаугурации президента США и о произнесенной им речи:

«Мы наблюдали церемонию, находясь на трибуне среди членов дипломатического корпуса. Обычно, даже в холодное время года Кеннеди не носил головного убора. На сей раз ему посоветовали надеть цилиндр. Некоторое время он терпел этот непривычный для себя наряд, но затем снял его и уже больше на надевал. После стихов, прочитанных Р. Форстом, и длинного благословения кардинала Р. Кушинга Дж. Кеннеди выступил с речью, которую слушала вся Америка. Речь, к которой он готовился долго (говорят, что он репетировал ее вслух в ванной комнате), состояла всего из 30 предложений, произнесенных за 8-10 минут. Читал он ее хорошо, четко, отделяя одну фразу от другой и подчеркивая наиболее сильные места. Прозвучала она солидно. Некоторые мысли были выражены в афористическом стиле. Одна из таких фраз, облетевшая чуть ли не весь мир, была такая: «Не спрашивайте,

что страна должна сделать для вас. Спросите, что вы сами должны сделать для страны» – таково было впечатление от речи у советского дипломата¹.

Анатолий Громыко в своей книге «1036 дней президента Кеннеди» отмечал, что речь Кеннеди, несмотря на свою лаконичность, содержала ряд важных положений. В частности, в речи делался акцент на то, чтобы Соединенные Штаты учитывали изменившуюся международную обстановку. «Сегодня мир стал иным», – заявлял Кеннеди. «Человек в своих смертных руках держит силу...способную уничтожить все формы человеческой жизни». США, совместно с другими странами, должны «заново начать поиски мира». Президент указывал на тяжкое «бремя стоимости современных видов оружия». Он выразил тревогу в связи с «неуклонным распространением смертоносного атома». Он призвал «не страшиться переговоров». Президент выдвинул задачу «не обострять» разделяющие мир проблемы, устранять «джунгли подозрения», расчищать «площадку сотрудничества», вести борьбу против общих врагов человечества – «тирании, нищеты, болезней и самой войны». «Все эти высказывания, – заключал А.Громыко, – хотя они и были слишком расплывчаты, казалось, свидетельствовали о том, что новый президент действительно намерен проводить миролюбивый курс на международной арене. Жизнь, однако, показала другое»².

Содержание этой речи свидетельствует о том, что и новый президент США привержен сложившейся традиции следования политике панамериканизма. Кеннеди недвусмысленно говорит о том, что внешнеполитическая доктрина США призвана обеспечить безусловную гегемонию в Западном полушарии, более того — в речи прозрачно просматриваются претензии на лидерство в мировом масштабе.

Наряду с рядом важных, реалистических положений речь Кеннеди произнесена в несколько торжественно-романтическом стиле. Великий русский сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин в свое время квалифицировал подобное состояние как «административный восторг», который у политического деятеля постепенно проходит по мере соприкосновения с реалиями жизни. Как человек умный, Кеннеди, видимо, понимал величину и несоразмерность выдвинутых в речи задач. Не случайно во второй части выступления появляется существенная оговорка: «Все это нереально осуществить за первые сто дней. Ни даже за тысячу первых дней, ни даже на протяжении всех дней работы новой администрации. Может быть, на это не хватит всей нашей жизни. Но пусть это не помешает нам хотя бы начать».

В словесной ткани речи действительно немало слов, фраз, присущих высокому, торжественному стилю. Это – «свобода», «бремя», «историческое начинание», «энергия», «вера», «преданность», «граждане», «соотечественники», «Всевышний», «дело Господне», «человечество» и другие.

Высокость слога особенно очевидна в начале речи и в ее концовке. Вот характерная фраза из заключительной части выступления: «Имея единственным вознаграждением свою совесть и единственным судьей — историю, поведем вперед нашу любимую страну, испрося у Всевышнего благословения и помощи, но не забывая, что здесь, на земле, дело Господне должно твориться нашими руками».

В речи использован весь арсенал ораторских приемов и риторических фигур. Обращает на себя внимание эмоциональная, проникновенная форма обращения оратора к присутствующим, ко всем соотечественникам и зарубежным гражданам,

¹Меньшиков М.А. Вашингтон, 16-я улица. Из записок советского посла. М., 1986. С. 179.

²Громыко А.А. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1969. С. 132.

кто слушал выступление Кеннеди по радио и телевидению: «мои дорогие сограждане», «мои дорогие соотечественники», «граждане стран мира».

Множественно оратор прибегает к приему повтора отдельных слов, фраз. Прием повтора позволяет сделать речь более эмоциональной, более внушаемой: «Мы надеемся...», «Пусть все наши соседи знают...», «Пусть другие державы знают...», «Пусть с одной и с другой стороны...», «Давайте начнем еще раз вместе обсуждать...», «Давайте вместе исследовать звезды, побеждать пустыни...».

Характерно для ораторской манеры Кеннеди использование в речи приема антитезы (противопоставления). Эта риторическая фигура позволяет четче, резче оттенить те или иные явления. Вот некоторые примеры:

«Человек обладает сегодня возможностью уничтожить все формы бедности». Это — с одной стороны. С другой — тот же человек может уничтожить «все формы жизни»; «Идея прав человека» дарована Богом, а не «милостью государства»; «Объединенные, мы способны свершить все...»; «Разделенные, мы не сможем свершить ничего».

Неоднократно оратор прибегает к фигуре «вопрошания»:

– «В состоянии ли мы создать против этих врагов внушительный и твердый союз с Севера до Юга и с Востока до Запада, который обеспечил всему человечеству более достойную жизнь?»

«Включимся ли мы в это историческое начинание?»

Эффектно в речи были использованы сравнения и метафоры:

«Энергия, вера, преданность, которые мы привнесем в это начинание, как пламя, озарят нашу страну и всех тех, кто посвятит себя ему. Это пламя осветит и весь мир».

Речь Кеннеди была насыщена яркими определениями — эпитетами, эмоционально окрашенной лексикой. В ней использованы крылатые слова и выражения. В ряде случаев речь оратора афористична.

Отшумели инаугурационные торжества. Наступили рабочие будни. 25 января 1961 года — пресс-конференция Кеннеди по телевидению. 30 января — традиционное послание конгрессу. Президент предлагает программу экономического роста, социальные меры, призывает крепить военный потенциал, наращивать производство ракет, подводных лодок, боевых самолетов из-за «угрозы» со стороны СССР и Китая.

Ухабы холодной войны

Отныне гипертрофированно выраженной политической линией Кеннеди станет линия на массивное наращивание ракетно-ядерного потенциала. Реалии этой линии будут таковы: за 1036 дней президентства Кеннеди Соединенные Штаты Америки бросят на военные расходы 167 млрд долларов. Любопытно сравнить: за 8 лет президентства Эйзенхауэра было израсходовано 315 млрд долларов.

В 1963 году, подводя итоги своей президентской деятельности, Кеннеди будет констатировать: «Менее чем за три года мы увеличили на 50% количество подводных лодок с ракетами «Полярис», на 70% число наших стратегических бомбардировщиков, находящихся в 15-минутной готовности, на 100% ядерное оружие у наших стратегических сил, готовых к действию, и на 60% тактические ядерные силы, развернутые в Западной Европе».

Нетрудно себе представить, что в публичных выступлениях президента Кеннеди военная проблематика оказывалась одной из самых приоритетных.

Однако вернемся к 1961 году. К весне, особенно к лету лейтмотивом американской внешней политики, лейтмотивом выступлений Кеннеди было бряцание оружием. Миротлюбивые мотивы инаугурационной речи отошли на задний план или были просто преданы забвению.

Так, 25 июля 1961 года Кеннеди выступил с пространной речью по американскому телевидению, в которой обозначил ряд мер, намечаемых правительством. Это, в частности, увеличение на 3 млрд 247 млн долларов военных ассигнований, доведение численности сухопутных сил до 1 млн человек, увеличение личного состава флота на 29 тыс. человек, увеличение личного состава военно-воздушных сил на 63 тыс. человек, увеличение в ближайшие месяцы числа призывников в армию в три раза, продление сроков военной службы и т.д.

Президент обратился к конгрессу с просьбой об ассигнованиях дополнительных 207 млн долларов на нужды «гражданской обороны». Вместе с тем он призвал широко развернуть по всей стране строительство атомных бомбоубежищ с запасом продуктов, воды, медикаментов, необходимых, как заявил Кеннеди, «чтобы выжить».

Эта часть выступления произвела на американцев впечатление разорвавшейся бомбы. К призывам об усилении гонки вооружений, раздававшихся из уст его предшественников, рядовые американцы вроде бы уже привыкли. Однако спокойно воспринять призывы президента закопаться в землю, обыватель США, конечно, никак не мог.

Выступления Кеннеди, как признавал один из американских политических обозревателей (Хью Сиди), было воспринято в Соединенных Штатах как «речь, от которой веяло войной». В стране, запуганной антисоветской, антикоммунистической пропагандой, разразилась настоящая истерия.

Сомнения в верности избранного внешнеполитического курса стали проявляться с момента провала американских планов в заливе Кочинос. То была первая серьезная неудача для Кеннеди. Речь идет о провале высадки на Кубе эмигрантов, подготовленных и финансируемых Соединенными Штатами. 19 апреля Кеннеди еще требовал от военных спасти обреченную операцию от провала. Однако «спасать» уже было нечего. На пресс-конференции президент откровенно заявил: «За действия правительства несу ответственность я», и отказался отвечать на вопросы журналистов. Это было 21 апреля. Покидая зал, президент сказал одному из своих советников: «Как я мог совершить такую ошибку? Как я мог оказаться таким глупцом?»

Хрущев и Кеннеди

Сомнения в верности избранного курса на наращивание военного потенциала и решения международных проблем с позиции силы будут, возможно, подспудно, но расти у президента, особенно после встречи в июне 1961 года с Н. С. Хрущевым и после Карибского кризиса.

В Вене в 1961 году состоялись переговоры Н. С. Хрущева с Д. Кеннеди. Джеймс Рестон, журналист «Нью-Йорк таймс», поинтересовался у Кеннеди о его впечатлениях о встрече с хозяином Кремля. «Это был наихудший момент в моей жизни. Он меня просто сразил», – ответил Кеннеди.

Ранее президент от генерала де Голля и от своих советников получил одно и то же предупреждение о том, что его собеседник будет вести себя агрессивно, но пойдет на компромисс, если Кеннеди проявит твердость.

Говорят, однако, что Кеннеди начал диалог с того, что заявил Хрущеву о стремлении избежать ядерного конфликта с СССР. Соединенные Штаты и Советский Союз, сказал он, должны научиться жить так, чтобы их соперничество не угрожало безопасности друг друга. Хрущев же высказал мнение о том, что Америка добивалась сохранения статус-кво, чтобы помешать освобождению угнетенных народов. Хрущев заявил, что США намерены «возвести преграду на пути развития человеческого сознания».

Кеннеди говорил о том, что США хотят лишь гарантировать мир. Обращаясь к Хрущеву, он заметил: «Вы хотите подрвать влияние моей страны там, где оно традиционно существовало». Советский руководитель продолжал наступать и заявил, что «когда идея овладевает массами, ее нельзя оковать цепями», что народы рано или поздно восстанут против «морального принуждения, угнетения и рабства». Кеннеди попытался сказать о том, что и он разделяет подобные убеждения. Собеседник же сразу же заявил: «Тогда не обвиняйте Советский Союз».

Таким трудным диалогом завершилась первая серия переговоров. Молодому президенту трудно было противостоять старому, закаленному марксисту.

При последующих встречах с Хрущевым Кеннеди старался не вступать в идеологические споры и придерживался обсуждения конкретных проблем.

Лидеры пришли к соглашению о том, что Лаос должен получить статус независимого и нейтрального государства. Однако по Берлину согласия достигнуто не было. Хрущев заявил, что намерен подписать мирный договор с Восточной Германией. При таком подходе город будет отрезан от Запада. Кеннеди с этим не мог согласиться. Им была подчеркнута важность Берлина для американских интересов. Он сослался на то, что США дважды воевали в Европе, заметив, что Хрущев не может не знать об этом. Советский руководитель жестко ответил: «Если вы хотите затеять войну, это ваше дело». В том же духе был и ответ Кеннеди: «В таком случае зима обещает быть очень холодной»¹.

Комментаторы того времени отмечали, что встреча двух лидеров не характеризовалась эффективными результатами. Однако глава Советского правительства не считал ее бесполезной. Он имел возможность познакомиться с новым президентом, в котором увидел упорного и серьезного оппонента.

В кругу советской делегации Н.С.Хрущев отмечал, что Кеннеди ему понравился. «Мы разошлись по всем вопросам, – сказал Хрущев, – но думаю, что с ним можно разговаривать. Эйзенхауэр был внешне мягче, добродушнее, но Кеннеди умнее, а с умным человеком всегда приятно иметь дело»².

Джон Кеннеди, в свою очередь, суммируя свои впечатления от пресс-конференции, высказался следующим образом: «Это были два не очень приятных, но отрезвляющих дня... Не было проявлено какой-либо вежливости, раздражения или гнева... Не было угроз или ультиматумов с какой-либо стороны. Но не было принято и никаких решений... Наши взгляды на многие проблемы значительно расходятся, но, по крайней мере, мы лучше знаем теперь позиции друг друга»³.

¹Судьбы XX века. Джон Кеннеди. Новые факты. Редкие документы. Уникальные фотографии. С. 63.

²Меньшиков М.А. Вашингтон, 16-я улица. С. 200.

³Там же.

Уместно, пожалуй, сказать здесь о том, что перед поездкой в Вену Кеннеди побывал в Париже. Он вел трудные переговоры с де Голлем. 2 июня, готовясь покинуть Париж по окончании визита во Францию, президент США произнес перед журналистами фразу, которая быстро облетела весь мир: «Я всего лишь сопровождаю Жаклин в Париж», – сказал Кеннеди.

Фраза могла иметь двойной смысл. Да, супруга президента США буквально покорила парижскую публику красотой, изысканностью манер, общительностью и т.п. В этом фраза Кеннеди имела прямой смысл. Однако его слова могли быть истолкованы и по-иному. В процессе переговоров де Голль продемонстрировал Кеннеди особые позиции Франции относительно НАТО, и Индокитая, и Кубы и т.д. Положительно было, однако, то, что позиции сторон прояснились и состоялось более близкое, личное знакомство. В ходе бесед де Голль посоветовал Кеннеди «держаться твердо» в переговорах с Москвой, с Хрущевым.

Возвратившись в США, Кеннеди 6 июня 1961 года выступил по радио. О встречах с де Голлем сказал следующее:

«Я обнаружил, что генерал де Голль более заинтересован в том, чтобы мы откровенно изложили свою позицию, независимо от того, совпадает ли она с его собственной, чем в видимости нашего согласия с ним, когда на самом деле мы не согласны. Он прекрасно понимает истинный смысл союза. Ведь он в конце концов единственный из главных руководителей Второй мировой войны, кто все еще занимает весьма ответственный пост. Его жизнь — пример необычайной целеустремленности. Это выдающийся человек, олицетворяющий новую мощь и историческое величие Франции... Генерал де Голль не мог проявить большую сердечность, и я не мог питать больше доверия ни к одному человеку, а этот человек к тому же обладает сильным характером»¹.

Позднее, в 1963 году, за 15 дней до гибели, Кеннеди в беседе с французским послом сказал: «Если бы я был президентом Французской республики, я поступил бы так же, как генерал де Голль!».

Посол СССР о Президенте США

Любопытны суждения о Кеннеди как о собеседнике советского посла М. А. Меньшикова. Вот что он писал в своих мемуарах:

«Чем чаще я встречался с новым президентом, тем больше убеждался в том, что это был человек сильного, независимого характера. Внешне он всегда был выдержанным, любезным, сохранял полное спокойствие. Наши беседы касались самых острых вопросов текущего международного положения и советско-американских отношений.

В отличие от Эйзенхауэра и Даллеса, Кеннеди не уклонялся от разговора по существу. Но, стараясь показать, что он готов искать пути к конструктивному и взаимоприемлемому решению проблем, президент в большинстве случаев проявлял упорство в отстаивании и аргументации официальной американской линии, которая при нем мало отличалась от линии предшествующей администрации.

К острым темам мы возвращались неоднократно, но результат был все тот же — каждая сторона оставалась при своем мнении.

¹Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 416.

Вместе с тем новая манера вести дела была, несомненно, более приятной, не говоря уже о том, что расширяла возможности получения из первых рук информации о действительной позиции американского правительства. Кроме того, Кеннеди все время как бы оставлял открытыми каналы для диалога между двумя правительствами, чего раньше не было. Это оставалось примечательной чертой его стиля даже в период резкого ухудшения наших отношений.

Глава новой администрации понимал, какие неизмеримые опасности таятся в демонстративном внезапном прекращении диалога между двумя ведущими державами. Это сказалось впоследствии при урегулировании Карибского кризиса 1962 года и постепенно привело к установлению линии «горячей связи» между руководством обоих государств»¹.

О Кеннеди — человеке, президенте — еще при его жизни и после писали многие. Любопытные штрихи к его портрету были сделаны некоторыми советскими журналистами и дипломатами, которые имели возможность общаться с Кеннеди, быть участниками международных встреч, знали президента по его повседневной работе.

Советские журналисты и историки о Д. Кеннеди

Интересны наблюдения, сделанные Валентином Сергеевичем Зориным, журналистом, доктором исторических наук. Строки, написанные им о президенте Кеннеди, не относятся к временам наилучших отношений СССР и США, что тем более не дает оснований сомневаться в меткой характеристике, данной им Кеннеди.

«...Мне довелось впервые близко увидеть молодого президента летом 1961 года в Вене во время известной встречи руководителей СССР и США. Крупный мужчина с внимательными серо-зелеными глазами, белозубой улыбкой, которая появлялась на его лице несколько чаще необходимого, наталкивая на мысль о, что называется, «работе на публику», небрежность движений, некоторая даже мешковатость и вместе с тем элегантность аристократа, с юных лет привыкшего быть центром внимания, уверенного в себе, но в то же время подобранного, напружиненного.

По тому, как временами загорались его глаза, начинал звенеть голос, а затем, несколько мгновений спустя, снова полуприкрытые веки, ровно текущая речь, чувствовался большой темперамент, взятый в железные колодки годами выработанной выдержки опытного политика, умения управлять собой.

Фамильно кеннедиевская была пышная шевелюра — бронзового отлива с рыжинкой — предмет его особых забот. Рассказывают, что повсюду с собой он возил большой набор головных щеток с ручками слоновой кости — подарок жены, — тщательно следя за прической. Наряду с его привычкой для обретения душевного равновесия по несколько раз в день принимать ванну или душ, тем чаще, чем больше выпадало треволений, — это давало постоянную пищу сопровождавшим его журналистам...»².

Далее в очерках об американском президенте В. Зорин отмечал:

«...У наблюдавших тогда за Д. Кеннеди возникло ощущение какой-то его скованности, некоторой, быть может, повышенной осторожности. Чувствовалось, что ему не хватает опыта ведения международных дел, да и то сказать — это была одна из первых официальных международных встреч, на которой он выступал как

¹Меньшиков М.А. Вашингтон, 16-я улица, с. 182.

²Зорин В. Мистеры миллиарды. С. 156.

президент США. И тем не менее уже тогда, несмотря на всяческие оглядки и оговорки, робко и в достаточной степени непоследовательно новый американский руководитель сделал попытку взглянуть на ситуацию в мире несколько иначе, чем его предшественники...

Кеннеди отдавал себе отчет в том, что реальное соотношение сил в современном мире отнюдь не таково, как хотелось бы ему и тем, чьи интересы он выражал и намеревался защищать всеми доступными ему способами...»¹.

Оглушительный провал авантюры в заливе Кочинос заставил тогда Кеннеди произнести афористическую фразу: «У победы сто отцов, поражение — всегда сирота». Позднее придет мысль о «стратегии, чтобы выжить».

И еще две-три фразы В. Зорина о Кеннеди:

«Да, президент Кеннеди был человеком острого ума, отточенного блестящим образованием, полученным в Гарвардском университете и Лондонской школе экономических наук...

Да, он был человек сильного характера, закаленного в огне войны, которую он провел в действующем флоте, в беспокойной и опасной должности командира торпедного катера. ...

Нет, Кеннеди не был рыцарем, бесстрашно выступавшим за справедливость, думавшем о благе человечества. Он был холодным и расчетливым буржуазным политиком, верным интересам своего класса так, как он их понимал, и руководствовавшимся в своей деятельности исключительно этими интересами.

Он был только умнее большинства своих коллег, видел дальше, судил реалистичнее, делал необходимые выводы смелее, нежели они»².

Кеннеди в новых условиях XX столетия более всего походил для «мучительной переоценки» прежних доктрин и концепций, которым долго следовали Соединенные Штаты Америки.

Биографы, мемуаристы, характеризую Кеннеди как человека и президента, единодушно отмечали у него гораздо большую коммуникабельность по сравнению с его предшественниками, более активный стиль работы. Например, советский посол М.А.Меньшиков, который имел возможность наблюдать за деятельностью президента, отмечал, что у Кеннеди был и иной стиль работы и манера общения. Одно из нововведений заключалось в том, что президент потребовал от помощников всех степеней, министров, генералов и т.д. обращаться к нему непосредственно для разрешения неотложных вопросов. По-иному Кеннеди повел дело в отношениях с госдепартаментом, Советом национальной безопасности, Пентагоном, ЦРУ и другими ведомствами. Он активно вмешивался в их работу. Президент стал постоянно проявлять интерес к тому, как идет обсуждение тех или иных важных вопросов в конгрессе. В целом, внешне создавалась картина демократического руководства. Однако важнейшие государственные проблемы, как и при Рузвельте, обсуждались в узком кругу.

Любопытны наблюдения М.А.Меньшикова по поводу выступлений президента:

«Особое внимание в речах Кеннеди уделял внешней стороне дела: «Как это будет выглядеть? Что подумают друзья и противники? Какой эффект произведет такое-то выражение?» и т.п. Однако слова словами, краткие, афористические, иногда загадочные фразы фразами, а внешняя политика США при Кеннеди, особенно в

¹Там же. С. 156, 157.

²Зорин В. Мистеры миллиарды. С. 150.

первые два года его правления, оставалась прежней, хотя и камуфлировалась разговорами о свободе, мире и «новом курсе»!»).

«Чем чаще я встречался с новым президентом, – писал советский посол, – тем больше убеждался в том, что это был человек сильного, независимого характера. Внешне он всегда был выдержанным и любезным, сохранял полное спокойствие... Кеннеди не уклонялся от разговора по существу... Президент в большинстве случаев проявлял упорство в отстаивании и аргументации официальной американской линии, которая при нем мало отличалась от линии предшествующей администрации!»¹.

Карибский кризис

Карибский кризис 1962 года — один из самых острых международных кризисов после Второй мировой войны. Разгром кубинцами отрядов наемников на Плайя-Хирон не остановил воинствующие круги США. По просьбе правительства Кубы на остров было доставлено советское ракетное оружие в оборонительных целях. По этому поводу в США была начата антикубинская и антисоветская кампания, которая сопровождалась угрозами американского вторжения на Кубу.

11 сентября 1962 года СССР призвал правительство США «проявить благоразумие». Тем не менее 26 сентября конгресс США принял резолюцию, в которой выражалась решимость «не допустить любыми средствами», включая применение оружия, распространения влияния Кубы на любую часть Западного полушария.

Сенат США предоставил президенту полномочия на мобилизацию в армию 150 тыс. резервистов. В конгресс были внесены законопроекты о признании США эмигрантского правительства Кубы и о создании группировки вооруженных сил для вторжения на Кубу. Для внезапного нападения предусматривалось использовать до 100 тыс. американских солдат и офицеров.

В Карибском море к кубинским берегам были направлены крупные американские ВМС (свыше 180 кораблей с 85 тыс. матросов) и установлена морская блокада острова. В боевую готовность были приведены все флоты и стратегическая авиация. Кризис нарастал и угрожал перерасти в мировую ядерную войну.

Уместно привлечь внимание к тому, как отдельные черты характера, стиль коммуникации Кеннеди проявились в особо обостренные моменты его политической деятельности. Имеется в виду именно период осени, период Карибского кризиса 1962 года.

18 октября А. А. Громыко по поручению советского руководства провел встречу с президентом Соединенных Штатов. Вот что вспоминал министр иностранных дел СССР об этой встрече:

«Должен сказать, что беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобиловала резкими поворотами, изломами. Президент нервничал, хотя внешне старался этого не показывать.

Он делал противоречивые высказывания. За угрозами по адресу Кубы тут же следом — заверения, что никаких агрессивных замыслов против этой страны Вашингтон не имеет. Присутствовали элементы шантажа. Но имелось и понимание того, к чему привела бы агрессия против Кубы. Все это отражало противоречивое и взвинченное настроение в руководящих кругах США. То, что у главы Белого дома

¹Зорин В. Мистеры миллиарды. С. 183.

затем верх взял здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума и характера.

Эта беседа с Кеннеди была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые мне приходилось вести за 48 лет с каждым из всех девяти президентов США.

Вот они — Франклин, Делано Рузвельт, Гарри Трумэн, Дуайт Дейвид Эйзенхауэр, Джон Фицджеральд Кеннеди, Линдон Джонсон, Ричард Милхаус Никсон, Джералд Рудолф Форд, Джеймс Эрл Картер, Рональд Рейган».

Беседа, о которой вспоминал А.А.Громько, видимо, и не могла не быть «сложной». За неделю до этой беседы (14 октября) американский самолет У-2 пролетел над Кубой и сделал ряд фотоснимков стартовых площадок советских ракет. 16 октября об этом был проинформирован Кеннеди. Под его председательством был срочно создан штаб при Совете национальной безопасности. Надо сказать, что к 22 октября 1962 года на Кубе были размещены 42 советские ракеты средней дальности с боеголовками и соответствующим воинским контингентом.

22 октября 1962 года президент Кеннеди обратился к народу США по радио и телевидению. В своем выступлении он потребовал от СССР вывода ракет и объявил военную блокаду Кубы. Поскольку слово «блокада» обозначала фактическое состояние войны, то было употреблено более осторожное слово - «карантин».

На другой день после речи Кеннеди Н.С. Хрущев направил президенту США письмо, в котором доказывал законность действий двух суверенных государств (СССР и Кубы), вынужденных в ответ на неприкрытое вмешательство США принять меры для обеспечения безопасности Кубы. Хрущев призывал Кеннеди не поддаваться милитаристскому психозу и не толкать человечество в пучину ядерной войны.

В период с 23 по 28 октября происходил между Москвой и Вашингтоном обмен письмами. Обстановка еще более накалилась, когда над островом был сбит американский самолет У-2.

Однако, несмотря на давление военных, Кеннеди принял ответственное и единственно разумное решение — искать разрешение кризиса политическими средствами, а не мерами военного характера. Кеннеди почувствовал, что в противном случае США окажутся в состоянии термоядерной войны. Он поручил своему брату Роберту Кеннеди срочно встретиться с советским послом в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным. В обмен на вывод советских ракет Дж. Кеннеди принимал на себя обязательство не нападать на Кубу и удерживать от этого своих союзников.

В октябре 1962 года мир оказался у порога третьей мировой войны, а человечество — на грани термоядерной катастрофы. И тот исход кризиса, который имел место в истории, - это, воистину, есть чудо. Обе стороны, и советское руководство во главе с Н.С.Хрущевым, и американская администрация, которую возглавлял Джон Кеннеди, заняв жесткую, твердую позицию, в конечном счете продемонстрировали здравый смысл, гибкость, благоразумие.

В наше время, в условиях дальнейшего распространения ядерного оружия, уроки Карибского кризиса забывать никак нельзя.

Наука, образование, СМИ, национальные проблемы в поле зрения Президента

Заботы президента Кеннеди не ограничивались проблемами внешней политики. Он проявлял самый живой интерес и к внутренним экономическим, и иным проблемам. Во многих сферах он разбирался весьма основательно.

Возьмем, к примеру, экономическую сферу. В речи, произнесенной в Йельском университете (1962), он, в частности, говорил:

«Когда мы ныне принимаем решения по экономическим проблемам, речь идет не о великой битве соперничающих идеологий, которая потрясает страну страстями, а о практическом управлении экономикой. На нужны не ярлыки в клише, а реалистическое обсуждение сложнейших технических вопросов, связанных с тем, как двигать вперед громадную экономическую машину»¹.

Президента Кеннеди постоянно интересовали проблемы научно-технического прогресса. Он был в курсе основных научно-исследовательских направлений, осуществляемых в США. Особенно его привлекали проблемы освоения космического пространства. Выступая 23 марта 1962 года в Калифорнийском университете в Беркли, Джон Кеннеди высказался за сотрудничество Соединенных Штатов Америки с Советским Союзом в области космических исследований.

Одна из постоянно присутствующих в речах Кеннеди тем – тема образования. О необходимости совершенствования образовательной системы Соединенных Штатов Америки президент неоднократно говорил и в своих ежегодных посланиях конгрессу. Он настойчиво предлагал все новые и новые рекомендации по поднятию образования США на более высокий уровень, к этому его подвигало верное видение научно-технического прогресса в стране и мире. Иногда Кеннеди указывал на успехи в этой сфере, которых достиг Советский Союз. «Наш прогресс как страны, – подчеркивал Кеннеди, – не может быть быстрее, чем прогресс в образовании. Среди всех ресурсов на первом месте стоит интеллект»².

С первых дней пребывания в Белом доме он предпринял ощутимую «хирургическую операцию». Из верхушки государственного аппарата были уволены многие высокопоставленные чиновники, уровень познания которых в той или иной области их деятельности вызывал у президента сомнение. Их места заняли представители молодой профессуры. Консервативные чиновники будут с иронией называть этих представителей «яйцеголовыми». Кеннеди же будет называть их своим «мозговым трестом».

Не был общественностью страны (да и общественностью мира) не замечен и тот факт, что при Кеннеди стало складываться несколько иное отношение к творческой интеллигенции. Весьма симптоматично, что уже на церемонию вступления в должность президента именно по желанию Джона Кеннеди было приглашено такое количество творческих личностей, представителей культуры, литературы, как никогда ранее в истории Соединенных Штатов Америки не бывало. Уместно напомнить, что среди творческих личностей был патриарх американской поэзии. 86-летний Роберт Форст, выступивший на церемонии с приветственным словом и чтением своих поэтических произведений. Среди приглашенных присутствовал выдающийся американский писатель Джон Эрнст Стейнбек, автор

¹Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. М., 1983. С. 255

²Яковлев Н.Н. Указ. Соч. С. 255.

знаменитых романов: «Гроздь гнева», «Заблудившийся автобус», «К Востоку от рая», «Благостный четверг» и др. Впрочем, по ироническим замечаниям некоторых мемуаристов, внимание Кеннеди к творческой интеллигенции, особенно к представительницам прекрасного пола, обуславливались не только соображениями высокой политики. Кеннеди обожал актрис, в их числе была и знаменитая, прекрасная Мэрилин Монро.

По-иному Джон Кеннеди относился к представителям средств массовой информации. С его приходом на должность журналисты имели возможность нередко бывать на неформальных встречах с президентом Соединенных Штатов.

К исходу 1962 года в деятельности Кеннеди начинают проследиваться новые черты. В действиях президента все больше проявляется самостоятельность. Это заметно просматривается в его внутренней и внешней политике.

Летом 1963 года Соединенные Штаты были охвачены волной протестов черного населения. На многочисленных митингах с зажигательными речами выступал Мартин Лютер Кинг. Президент направляет конгрессу законопроект о «гражданских правах». Разгул расизма угрожал стране серьезными социальными потрясениями. Кеннеди осознает угрожающий характер катаклизмов и доводит до общественности свою точку зрения:

«Прошло сто лет со дня освобождения рабов президентом Линкольном, однако их потомки — их внуки не полностью свободны. Они не освободились из оков несправедливости, они все еще не свободны от социального и экономического угнетения. И наша страна, несмотря на все надежды и все хвастовство, не будет свободной, пока не будут свободны все ее граждане».

Во внешней политике также зазвучали в выступлениях Кеннеди новые, более реалистичные мотивы. Главный лейтмотив речей президента — политика в отношении Советского Союза, построенная на духе враждебности, на предрассудках, пагубна, такая политика бесперспективна, она ведет в тупик. Связанная с этим мысль президента: термоядерная война в случае ее развязывания, обернулась бы для Соединенных Штатов Америки полной катастрофой.

Политическое завещание о мире между народами

Новое понимание, новое видение реальностей с особой отчетливостью было обнаружено президентом Кеннеди в одной из самых содержательных речей, произнесенных им 10 июня 1963 года в Американском университете в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия). Это самая уникальная по содержанию, по всем параметрам ораторских достоинств речь Кеннеди.

Работать над этой речью Кеннеди, по мнению биографов, начал еще весной 1963 года. Все ее основные тезисы были подготовлены им лично. Биографы свидетельствуют, что позднее к работе над ней были привлечены Соренсен, Шлезингер, а также Банди.

Есть в исследованиях деятельности президента и такое любопытное утверждение, что государственный департамент и Пентагон оставались в неведении о том, что речь вообще подготавливалась. В эти ведомства она будет направлена президентом лишь за два дня до ее произнесения. Сделано это было сознательно, чтобы избежать любых попыток влияния на президента, давления на него и изменения основных тезисов выступления. Кеннеди не хотел, чтобы это имело место, он не хотел, чтобы ему помешали.

Еще раз подчеркнем, что эта речь действительно уникальна по своему содержанию, по своим социально-психологическим качествам, по литературно-языковому оформлению, по риторическим достоинствам, по всему арсеналу ораторских приемов и средств воздействия на массовую аудиторию.

В краткой вступительной части речи Кеннеди отдал должное интеллектуальным достоинствам университетской аудитории (студентам и профессорам):

«На земле есть мало вещей, более прекрасных, чем университет, – писал Джон Мейсфилд, отдавая дань восхищения английским университетам, и его слова в равной степени верны и сейчас. Он имел в виду не шпили и башни, не зеленые лужайки университетских городков и увитые плющом стены.

Он говорил, что восхищается изумительной красотой университета, ибо это – «место, где те, кто ненавидит невежество, могут стремиться к знаниям, где те, кто постиг истину, могут стремиться показать ее другим».

Такое оригинальное вступление, с использованием афористического суждения выдающегося английского писателя XX столетия Джона Мейсфилда, безусловно, не могло не вызвать у аудитории положительной реакции, ибо оратор словами крупнейшего художника и мыслителя подчеркивал самое важное достоинство присутствующей аудитории — ее интеллект, тягу к познанию, ее возможности в настоящем и будущем к проповеди знания.

После такого краткого, но эффектного вступления Кеннеди перешел к главному предмету своей речи.

«Поэтому, – писал президент, – я выбрал это время и это место, чтобы обсудить вопрос, в отношении которого слишком часто царит невежество и слишком редко постигается истина; и тем не менее это самый важный вопрос на земном шаре – мир во всем мире».

Уместно обратить внимание на то, что из сонма животрепещущих внутренних и международных проблем, а «имя им Легион», Кеннеди выделил один, «самый важный вопрос», – вопрос о сохранении мира. Сейчас, когда угроза термоядерного уничтожения человечества вроде бы несколько уменьшилась, отношение президента США к данной проблеме кажется чересчур серьезным. Чтобы в полной мере ощутить значимость для Кеннеди этой проблемы, надо быть современником той эпохи. Для людей, живших в начале – середине 60-х годов, этот вопрос был действительно вопросом жизни и смерти, так как еще не изгладились из памяти грозные события Карибского кризиса, когда мир находился на грани термоядерного уничтожения.

Далее Кеннеди с неуклонной последовательностью, логичностью, с использованием военных, политических, экономических факторов разъяснял присутствующим в аудитории, всем, кто находился за ее пределами, как внутри США, так и за ее рубежами, ту простую и вместе с тем удивительно сложную истину, что альтернативы миру в условиях того времени никакой не было.

«Какого рода мир я имел в виду? – вопрошал президент, обращаясь к интеллектуальной элите страны. – К какого рода миру мы стремимся?»

Отвечая на поставленные самому себе вопросы, Кеннеди пояснял соотечественникам и не в меньшей мере слушателям и читателям зарубежным: «Это не Пакс американа, навязанный человечеству американским оружием ведения войны. Это не мир могилы или безопасность раба».

Далее президент пояснил, какой мир он имеет в виду, и эти его мысли могли быть приняты безоговорочно не всеми в его собственной стране, особенно

приверженцами жестоких, с позиции силы, подходов в отношении прежде всего Советского Союза.

«Я, – продолжал президент, – говорю о подлинном мире, о таком мире, ради которого стоит жить на земле, о таком мире, который дает возможность людям и странам расти и надеяться создать лучшую жизнь для своих детей – не только мир для американцев, но мир для всех людей; не только мир в наше время, но мир на все времена».

Эти глубокие по смыслу, искренние слова президента, адресованные соотечественникам и людям доброй воли всего мира, слова, сказанные ярко и проникновенно, не могли, конечно же, не зародить веры и надежды на мир в грядущем.

Особенно важной частью речи Кеннеди была та, где он, в отличие от многих политиков и военных того времени, обнаруживает глубокое сознание того, что в современных условиях, в условиях применения невиданных по силе разрушения средств, война будет иметь совсем иное лицо, чем в предшествующие века и тысячелетия.

«Я говорю о мире, – подчеркивал Кеннеди, – потому что у войны новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаться без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в 10 раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во Второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям».

Обратим внимание на то, что оратор, внушая аудитории и всему мировому сообществу мысль о гибельности тотальной войны, трижды прибегает к повтору своей главной мысли: такая война «не имеет смысла» в новых, ранее не имевших места условиях. И хотя в середине 60-х годов человечество еще не имело горького черныбыльского опыта, провидение последствий ядерного конфликта президентом Кеннеди было поразительным.

Весомым доводом президента в пользу стремления к миру был довод о том, что безудержная гонка вооружения отнимает у человечества колоссальные материальные средства и интеллектуальные силы, которые могли бы быть направлены на решение иных, мирных целей.

«Сегодня ежегодное расходование долларов на оружие, приобретаемое с целью обеспечить такое положение, когда нам никогда не придется применить его, необходимо для сохранения мира. Но, конечно, приобретение таких бесполезных запасов, которые могут только уничтожать и не могут создавать, не является единственным и тем более самым эффективным способом обеспечения мира.

Поэтому, – продолжал президент, – я говорю о мире как о необходимой разумной цели разумных людей. Я понимаю, что стремление к миру не носит такого драматического характера, как стремление к развязыванию войны, и часто слова того, кто стремится к миру, не встречают живого отклика. Однако у нас нет более настоятельной задачи, чем эта.

В высшей степени интересны размышления Кеннеди об образе мыслей советского руководителя, о возможности эволюции взглядов советских

руководителей относительно взаимоотношений СССР и США. Не менее примечательны суждения Кеннеди о том, что и образ мышления самих американцев на характер отношений США и СССР должен быть также изменен в сторону трезвомыслия, в сторону разумности.

Вот что, в частности, говорит об этом Кеннеди в анализируемой речи:

«Некоторые утверждают, что бесполезно говорить о мире во всем мире, о всемирном законе или всемирном разоружении и что это будет бесполезно до тех пор, пока руководители Советского Союза не станут придерживаться более просвещенной позиции. Я надеюсь, что они будут ее придерживаться.

Я считаю, что мы можем помочь им в этом. Однако я считаю также, что мы должны пересмотреть и свое собственное отношение, как отдельные граждане и как нация в целом, ибо наше отношение так же важно, как и их. Каждый, кто окончил это учебное заведение, каждый мыслящий гражданин, который ненавидит войну и хочет помочь осуществить мир, должен прежде всего посмотреть на самого себя, проанализировать свое собственное отношение к возможностям мира, к Советскому Союзу, к ходу холодной войны и к свободе и миру здесь, в нашей стране».

Таких призывов к соотечественникам не звучало никогда ни у одного из президентов Соединенных Штатов Америки. О смысле только что приведенных слов высшего руководителя США можно, пожалуй, сказать словами русской поговорки, несколько перефразировав ее: «хорошо видеть щепку в чужом глазу, но хорошо было бы замечать бревно в глазу собственном». Президент знал, о чем говорил.

Далее в речи Кеннеди касается более частных, но не менее важных аспектов проблемы войны и мира. Он призывает соотечественников и всех, кому дорого дело мира, к более активному и эффективному использованию интеллектуального потенциала человека в решении вопроса о мире.

«Во-первых, – говорит президент, – давайте пересмотрим свое отношение к самому делу мира. Слишком многие из нас считают его нереальным. Но это опасное, пораженческое убеждение. Оно приводит к выводу, что война неизбежна, что человечество обречено, что мы находимся во власти сил, которые мы не в состоянии контролировать.

Мы не должны принимать такую точку зрения. Наши проблемы – дело рук человека и поэтому могут быть разрешены человеком. А человек может быть таким великим, каким он хочет быть. Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ. Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым, и мы верим, что они смогут сделать это снова».

Выступая с таким гимном человеческому разуму, Кеннеди, конечно, не мог вызвать к своим суждениям самого благожелательного отношения. Справедливости ради надо сказать, что такого характера размышлений трудно найти не только у предшественников президента, но и у его преемников. Мы имеем в виду суждения о возможностях человеческого разума, о его направленности в пользу мира недостаточно. Необходимы не просто слова, необходимы конкретные дела, дела повседневные, дела будничные, возможно, на первый взгляд, и дела малые, но полезные.

«Я имею в виду не абсолютную, бесконечную концепцию всеобщего мира и доброй воли, о которой все еще мечтают некоторые фантазеры и фанатики. Я не отрицаю ценности надежд и мечты, но мы вызовем лишь разочарование и недоверие, если сделаем их своей единственной и непосредственной целью.

Давайте сосредоточимся вместо этого на более практическом, более достижимом мире, основанном не на внезапной революции в человеческой природе, а на постепенной эволюции человеческих институтов – на ряде конкретных действий и эффективных соглашений, которые были бы в интересах всех заинтересованных».

С поразительным терпением, выдержкой, скрупулезностью Кеннеди поясняет, что на практике, в жизни, в реальности «...нет какого-то одного простого ключа к этому миру, нет какой-то великой или магической формулы, которую может принять одна или две державы. Подлинный мир должен быть продуктом деятельности многих стран, результатом многих акций. Он должен быть динамичным, а не статичным, меняясь, чтобы соответствовать вызову каждого поколения. Ибо мир – это определенный процесс, способ разрешения проблем».

Развертывая далее свои мысли, Кеннеди делает вывод о том, что «...мир не обязательно должен быть неосуществимым, а война не обязательно должна быть неизбежной».

Далее, подвергнув критике точку зрения советских руководителей относительно политических целей «американских империалистов», их стремления «экономически и политически поработить европейские и другие капиталистические страны», их намерение завоевать «мировое господство посредством агрессивных войн», Кеннеди подчеркнул, что нельзя во имя коммунизма поступиться «свободой и достоинством» личности, но это не означает, что следует без симпатий относиться к советским людям.

«Но в то же время, – говорил Кеннеди, – мы можем приветствовать русский народ за его многочисленные достижения — в области науки и космоса, в области экономического и промышленного роста, в области культуры и актов мужества».

Президент привлек внимание слушателей и всей американской общественности к ряду факторов, к ряду черт, которые сближают народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Президент, в частности, отметил:

«Среди многих общих черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более сильной черты, чем наше взаимное отвращение к войне. Почти уникальным в отношениях между крупнейшими державами мира является тот факт, что наши страны никогда не воевали друг с другом. И ни одна страна за всю историю войны не пострадала больше, чем пострадала русская страна в ходе Второй мировой войны».

Президент назвал в речи ряд конкретных данных о тех потерях, которые понес Советский Союз во время фашистского нашествия.

«В этой стране, – сказал он, – погибли не менее 20 миллионов человек. Бесчисленные миллионы жилищ и ферм были сожжены или разграблены. Третья часть всей территории страны, в том числе почти 2/3 ее промышленной базы, была превращена в руины – потеря, равноценная опустошению всей нашей страны на восток от Чикаго».

Такие потрясающие данные и такое сравнение, которое употребил президент относительно своей страны - «на восток от Чикаго» - не могли не произвести соответствующего впечатления на слушающую аудиторию. Весьма показателен тот факт, что президент Соединенных Штатов Америки, человек, во многом отвечающий за характер отношений двух великих держав, признавал обеспокоенность советских людей за судьбы мира, относился с сочувствием к перенесенным народами СССР тяготам и лишениям во время войны.

В речи Кеннеди неоднократно возвращается к мысли о том, чтобы его соотечественники, прежде всего те, кто в большей мере ответственен за дело мира, уяснили: трагический конец неминуем, если разразится ядерный конфликт.

«Если сегодня снова начнется тотальная война – независимо от того, как бы она ни началась, – ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительный факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, все, ради чего мы трудились, все было уничтожено. И даже в холодной войне, которая несет с собой бремя и опасности столь многим странам, в том числе и нашим самым близким союзникам, – наши две страны несут самое тяжелое бремя. Ведь обе наши страны выделяют огромные суммы на создание оружия массового уничтожения, и эти суммы можно было бы лучше использовать для борьбы с невежеством, нищетой и болезнями. Обе страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения на одной стороне порождают подозрения на другой стороне, а в ответ на новое оружие создается контроружие».

Оратор делает позитивный вывод о том, что Соединенные Штаты и их союзники, Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире, в прекращении гонки вооружений. В речи перечисляются те конкретные меры, которые предпринимаются правительством США к установлению взаимоприемлемых отношений между двумя великими державами и их союзниками. По мнению Кеннеди, ядерные державы должны избегать таких столкновений, когда перед противником встает выбор – либо унижительное отступление, либо ядерная война. Принятие такого курса в ядерный век было бы свидетельством коллективного желания смерти для всего мира. Все страны, полагал Кеннеди, должны воздерживаться от вмешательства в самоопределение других стран, тогда мир будет гораздо надежнее обеспечен. Оратор позитивно оценивал начавшиеся подвижки к лучшему в отношениях СССР и США. Это – разумное соглашение об установлении прямой связи между Москвой и Вашингтоном, это – сближение в достижении соглашения о запрещении ядерных испытаний и др.

Речь президента была завершена на оптимистической ноте, с выражением уверенности, что установление, сбережение мира на земле возможно, что это – дело рук и интеллекта человека. Что касается США, то президент заявил следующее:

«Соединенные Штаты, как это знает мир, никогда не начнут войны. Мы не хотим войны. Мы не ждем сейчас войны. Нынешнее поколение американцев имело достаточно — более чем достаточно — войны, ненависти и угнетения. Мы будем готовы к войне, если другие захотят ее. Мы будем настороже, чтобы попытаться остановить ее. Но, кроме того, мы сыграем свою роль, чтобы создать всеобщий мир, где слабый находился бы в безопасности, а сильный был бы справедлив. Мы не беспомощны перед этой задачей и не считаем, что нет надежды на успех. С чувством уверенности, не испытывая боязни, мы стремимся не к стратегии уничтожения, а к стратегии мира» (Цитаты из речи Д. Кеннеди приводятся по публикации этой речи в газете «Правда» от 13 июня 1963 года).

Рассматриваемая речь президента США, как уже отмечалось, интересна не только с точки зрения ее уникального содержания, но и с точки зрения социально-психологической, с точки зрения риторической, литературно-языковой.

Мы привлекали уже внимание читателей к адресности этой речи, к учету оратором особенностей аудитории, ее профессиональных, интеллектуальных особенностей. Вместе с тем уместно сказать о том, что по манере, доступности

изложения она могла быть адресована и на самом деле адресовалась самому широкому кругу слушателей и читателей. Речь была понятна студенту и профессору, военному и фермеру, гражданину США и любой другой страны.

Из риторических приемов оратор наиболее часто использует прием повтора отдельных слов и фраз, добиваясь смыслового выделения необходимых выражений, либо увеличивая их эмоциональное звучание в речи. Цель одна – увеличить воздействующую силу речи. Например, неоднократный повтор фразы, являющейся в речи одной из ключевых:

«...война (тотальная) не имеет никакого смысла...»,

«...она не имеет никакого смысла...»,

«...она не имеет смысла...».

С большой смысловой нагрузкой в контексте речи повторяется фраза:

«Я говорю о мире...»,

«Я говорю о подлинном мире...»,

«Поэтому я говорю о мире...»

Отдельные повторы в речи оратора играли сугубо эмоционально-экспрессивную роль. Это могли быть как отдельные слова полнзвучного характера, так и отдельные служебные слова: союзы, предлоги, частицы. Например:

«Печально думать...»,

«Печально читать...».

Или:

«Это не ...»

«Это не...»

«Не шпили и башни, не зеленые лужайки...»,

«Мы не хотим...»,

«Мы не ждем сейчас...»,

«Мы будем...»

Для обеспечения большой контрастности в характеристике явлений оратор часто прибегал к использованию антитез (противопоставлений). Для придания речи большей динамичности, живости и установления более тесного контакта с аудиторией оратор неоднократно использовал вопросно-ответный прием изложения.

Для речи Кеннеди характерна логическая расчлененность. Отдельные части речи оратор обозначает словами: «во-первых», «во-вторых», «в-третьих» и т.д.

Оратор широко пользуется словами и выражениями долженствования, словами, побуждающими слушателей к определенному характеру действий: «мы должны», «обязанность всех граждан», «давайте защищать» и т.п.

В речи использованы цитаты известных писателей, есть ссылки на Библию.

Характерная особенность речи Кеннеди – ее афористичность. Многие употребленные оратором фразы глубоки по смысловому направлению и отточены по литературно-языковой форме. В качестве примера можно привести следующие фразы, которые можно характеризовать как афористические:

«Самый важный вопрос на земле – мир во всем мире».

«Наши проблемы – дело рук человека и поэтому могут быть разрешены человеком»;

«Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ»;

«Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым»;

«Подлинный мир должен быть продуктом деятельности многих стран, результатом многих акций»;

«Мир – это определенный процесс, способ разрешения проблем»;

«Мир во всем мире, так же как мир в общине, не требует, чтобы каждый человек любил своего соседа, – он требует лишь, чтобы они жили вместе, проявляя взаимную терпимость...»,

«История учит нас, что вражда между странами, так же как и между отдельными лицами, не длится вечно»;

«Мир не обязательно должен быть неосуществимым, война не обязательно должна быть неизбежной» и т.д. Многие афористические выражения Кеннеди производили сильное впечатление, такие, например, как уже приводившееся высказывание в его инаугурационной речи, ставшее известным на весь мир: «...Не спрашивайте, что Америка сделает для вас. Спросите, что вы можете сделать для свободы человека».

Нередко в быту фигурировало высказывание Кеннеди иного характера: «Мой отец всегда говорил мне, что все бизнесмены – сукины сыны. Я не верил этому до сегодняшнего дня».

Немало в речах Кеннеди бывало и таких кратких фраз, которые воспринимались не более как риторика (в худшем смысле этого слова).

Речь, произнесенная президентом Соединенных Штатов Америки 10 июня 1963 года, получила широкий резонанс как внутри страны, так и за рубежом.

В Советском Союзе речь Кеннеди, как уже было сказано, была опубликована в главной газете страны – в «Правде» от 13 июня 1963 года.

Вот один из откликов официальных лиц СССР на выступление Кеннеди:

«Для многих было почти непостижимо то, что Кеннеди в своей речи, произнесенной 10 июня 1963 года в Американском университете, обратился непосредственно к народу, желая получить его поддержку для оказания сдерживающего воздействие на военно-промышленный комплекс США.

Не только в США, но и за рубежом общественное мнение расценило речь президента как смелый шаг и своеобразный вызов этому военно-промышленному чудовищу, которое в период Карибского кризиса заставило даже самого политически флегматичного американского обывателя несколько по-новому подойти к оценке международной обстановки и отношений с Советским Союзом, стряхнуть с себя в какой-то степени стереотипы «холодной войны».

Указанное выступление говорило о том, что Кеннеди заглядывал дальше, чем делали это капитаны военного бизнеса и Пентагон»¹.

После июньской речи 1963 года президент произнесет речей. Привлечем внимание лишь к некоторым из них.

Так, 26 июля 1963 года президент выступил по телевидению о соглашении по ядерным испытаниям. Обращаясь к нации, Кеннеди сказал:

«Война, случись она сегодня или завтра, не будет похожа ни на один из предыдущих конфликтов. Обмен широкомасштабными ядерными ударами мог бы за час уничтожить 300 миллионов американцев, европейцев и русских.

Давайте же попытаемся избавить мир от войны».

¹Громыко А.А. Памятное. Т. 1. С. 399.

Октябрь 1963 года. 9-е число. Кеннеди делает еще один шаг по улучшению отношений с Советским Союзом. Он объявляет о решении продать СССР 52,8 млн центнеров зерна за 250 млн долларов.

В ходе пресс-конференции Кеннеди сказал:

«У нас имеются излишки зерна, их хранение оплачивается американскими налогоплательщиками. Я думаю, мы сможем использовать эти 250 миллионов долларов золотом для поддержки платежного баланса».

Выделяется из числа других речь президента, произнесенная им перед студентами одного из американских университетов. Говоря о путях дальнейшего развития внешней политики Соединенных Штатов Америки, президент, как человек, мастерски владеющий пером и живым словом, выразил глубокую мысль, используя такие образно-выразительные средства, как метафора и сравнение. А мысль эта – снова о сохранении мира.

«Американский орел – сказал с пафосом Кеннеди, – зажал на президентской печати в своих когтях как оливковую ветвь мира, так и стрелы военного могущества. На потолке моего кабинета, построенного много лет назад, этот орел обратил свой взор на стрелы войны слева от него. Однако на более новом ковре, отражающем изменение, начало которому положил Рузвельт... этот орел уже смотрит в сторону оливковой ветви мира...».

Президент выразил в речи собственное видение реальностей. Многочисленные же сторонники продолжения «холодной войны», так называемые «бешеные», не были намерены уступать свои позиции. Периодически, возможно под их давлением, президенту еще приходилось делать им те или иные уступки. Такой уступкой, можно предположить, было выступление Кеннеди 18 ноября 1963 года в Майами с элементами антикубинской направленности.

В целом же, шаг за шагом, президент Соединенных Штатов Америки занимал все более реалистические позиции. Важной мерой по стабилизации международной обстановки было, несомненно, подписание договора о частичном запрещении ядерных испытаний. Позитивному направлению развития международных процессов служило принятие решения об отказе от вывода на орбиту вокруг Земли ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Способствовало большему доверию установлению прямой связи между Москвой и Вашингтоном. Эти и другие меры свидетельствовали о том, что впервые после Второй мировой войны президент Соединенных Штатов Америки стал подходить к решению международных проблем с более или менее реалистичных позиций.

Со времени трагической гибели Д. Кеннеди минуло уже почти полстолетия. Многие детали, частности забыты. Помнится современными поколениями главное. Это «...главное состоит в том, что Джон Кеннеди сумел мобилизовать лучшие силы американского народа, сумел приостановить ядерную гонку, сумел заложить основы будущего мира – мира, в котором есть место свершениям и надежде. Кеннеди привнес в общественную жизнь Америки более высокие идеалы. Благодаря ему сугубо материалистическая по духу страна стала гордиться своими университетами и центрами искусств. Он сам стал источником вдохновения для Америки, которую сумел убедить в том, что предел себе люди могут поставить лишь сами. Молодая энергия, помноженная на бесстрашие и любовь к великим истинам, – вот лучшее, что означает в истории имя Кеннеди», – так сказал о 35-м президенте США Анатолий Уткин, профессор, доктор исторических наук директор Центра международных исследований Института США и Канады Российской академии наук.

Что же касается ораторского искусства Дж. Кеннеди, реализации его политической линии через живое слово, обращенное к массовой аудитории, уместно еще раз подчеркнуть, что его речь, произнесенная 10 июня 1963 года, является самой вершиной по содержанию, по эффективности применения арсенала ораторских приемов воздействия на слушателей. Об этой речи А.А.Громыко отзывался так: «Пожалуй, то выступление можно назвать заметной страницей в его президентской жизни. Выстрел убийцы, прогремевший 22 ноября 1963 года в Далласе и заставивший смертельно раненого Кеннеди беспомощно склонить голову на плечо Жаклин, этой страницы не уничтожил!»¹.

Речь, с которой Джон Кеннеди собирался выступить в Далласе, заканчивалась следующими словами:

«Наша задача — сохранить оплот свободы в мире».

Далеко не все удалось реализовать Дж. Кеннеди из своих замыслов, о которых он говорил во время инаугурации и в последующих своих выступлениях. Не все и не всегда в историческом процессе зависит от отдельно взятой личности, даже если эта личность обладает в государстве высшей властью. Не случайно Кеннеди заметил однажды: «Каждый президент должен примириться с тем, что существует разрыв между желаемым и возможным». Особенно, добавим, в политике. Великому А.Эйнштейну принадлежит мысль о том, что наука политика – вещь гораздо более сложная, нежели наука физика. Ошибка физика — штука, конечно, огорчительная, в результате может затормозиться решение той или иной проблемы, но вполне поправимая. Ошибка врача может стать непоправимой, и в результате ее погибнет больной. При ошибке политика в действие вступает неумолимый закон больших величин, и она может стоить бесконечно дорого всему человечеству.

Джон Фицджеральд Кеннеди – один из тех выдающихся политиков XX столетия, интеллект которого не позволил ввергнуть человечество в самоубийственную термоядерную катастрофу на Земле.

Урок для поколений XXI века – поучительный.

¹Громыко А.А. Памятное. Т.1. С. 399.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Инаугурационная речь Джона Кеннеди на русском языке

Вашингтон, 20 января

После принятия присяги Джон Кеннеди произнес одну из самых коротких в XX столетии инаугурационных речей. «Спросите себя, что вы можете сделать для своей страны...».

Мы празднуем сегодня не победу одной партии, но присутствуем на церемонии в честь победы... Ибо я принес присягу перед вами и перед Богом, ту торжественную присягу, текст которой составили наши предки 175 лет назад. Современный мир стал иным. Человек сегодня обладает возможностью уничтожить все формы бедности, так же как и все формы жизни. На всей планете получила распространение революционная идея, за которую боролись наши предки, идея прав человека, дарованных Богом, а не милостью государства. Здесь и сейчас заявляю всему миру, что эстафета передана новому поколению американцев, родившихся в этом веке, сформировавшихся в войне, воспитанных в условиях сурового и горького мира, гордых полученным наследием и полных решимости не быть ни свидетелями, ни соучастниками разрушения этих прав человека, которые наша страна всегда защищала и которые сегодня мы будем защищать и у себя в стране, и во всем мире. Нашим старым союзникам... мы обещаем свою верность. Объединенные, мы способны свершить все... Разделенные, мы не сможем сделать ничего. Новым государствам, которые мы принимаем в ряды свободных наций, мы говорим: одна форма колониального господства ликвидирована не для того, чтобы ее сменила другая, намного более беспощадная тирания. Мы не просим их всегда бороться рядом с нами. Но мы надеемся, что они будут всегда готовы бороться за свободу. Мы надеемся, что они помнят, как в прошлом некоторые безумцы, желавшие стать всемогущими, пытались усмирить тигра, но кончили тем, что попали к нему в пасть. Живущим в хижинах и деревнях народам, которые составляют половину населения Земли и пытаются освободиться от пут нищеты, мы обещаем сделать все, чтобы помочь им научиться помогать самим себе.... Республикам, находящимся к югу от наших границ, мы предлагаем превратить красивые слова в дела, создать союз ради прогресса, помочь людям и правительствам свободных стран порвать пути нищеты. Но эта мирная революция не должна стать добычей враждебных сил. Пусть все наши соседи знают, что мы будем рядом с ними, чтоб противостоять агрессии и подрывной деятельности повсюду на Американском континенте. И пусть другие державы знают, что страны Западного полушария намерены оставаться хозяевами в своем доме. Мы вновь обещаем поддержку всемирному собранию суверенных государств, каким является Организация Объединенных Наций... Наконец, странам, которые выступают как наши противники, мы официально предлагаем: давайте начнем сообща искать пути к миру, прежде чем мрачные силы разрушения, высвобожденные наукой, не приведут к умышленному или случайному уничтожению всего человечества. Две крупные и могущественные группировки стран не должны мириться с нынешним положением дел. Обе они находятся под бременем расходов на современные вооружения, обе обоснованно встревожены растущей угрозой атомной смерти, и тем не менее каждая из них стремится нарушить в свою пользу хрупкое равновесие

страха, которое удерживает пока от военного взрыва, означающего конец человечества. Поэтому давайте начнем еще раз вместе обсуждать проблемы, помня при этом, что вежливость вовсе не означает слабость и что искренность должна подтверждаться делом. Пусть с одной и с другой стороны впервые будут выдвинуты серьезные предложения об инспекции и контроле над вооружениями, и пусть абсолютная сила, которая может уничтожить страны, будет поставлена под абсолютный контроль всех стран... Давайте вместе исследовать звезды, побеждать пустыни, искоренять болезни, изучать океаны и поощрять искусство и торговлю... И если первые успехи сотрудничества приведут к устранению подозрительности, то тогда обе стороны смогут объединиться для успешного решения новой задачи — создания царства права, где сильные были бы справедливы, слабые — в безопасности, а мир в целом — защищен. Все это нереально осуществить за первые сто дней. Ни даже за тысячу первых дней, ни даже на протяжении всех дней работы новой администрации. Может быть, на это не хватит всей нашей жизни. Но пусть это не помешает нам хотя бы начать. От вас, мои дорогие сограждане, еще больше, чем от меня, зависит окончательный успех или провал нашего начинания. С первых дней основания нашего государства каждое новое поколение американцев приносило доказательство своей верности стране. Могилы молодых американцев, откликнувшихся на ее призыв, разбросаны по всей земле. И снова труба зовет нас: но на этот раз речь идет не о призыве к оружию, хотя оружие нам и необходимо: речь идет не о призыве к бою, хотя мы и ведем борьбу; сегодня труба призывает нас взять на себя тяжкий труд великих усилий и нести его на протяжении всего года, оставаясь «счастливыми в надежде и терпеливыми в неудачах», усилий, направленных против наших общих врагов: тирании, бедности, болезней и даже самой войны. В состоянии ли мы создать против этих врагов внушительный и твердый союз с Севера до Юга и с Востока до Запада, который обеспечит всему человечеству более достойную жизнь? Включимся ли мы в это историческое начинание? За всю долгую мировую историю лишь нескольким поколениям выпала обязанность защитить свободу, когда она подвергалась самой большой опасности. Я не откажусь от такой обязанности, я приму ее с радостью. Я не думаю, что кто-либо из нас захотел бы поменяться местами с другим народом или другим поколением. Энергия, вера, преданность, которые мы привнесем в это начинание, как пламя, озарят нашу страну и всех тех, кто посвятит себя ему. Это пламя осветит и весь мир. Поэтому, мои дорогие соотечественники, не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас. Спросите себя, что вы можете сделать для своей страны. А вы, граждане стран мира, не спрашивайте, что Америка сделает для вас. Спросите, что вы можете сделать для свободы человека. Неважно, кто вы, граждане Америки или граждане других стран, вы можете потребовать от нас столько же усилий и жертв, сколько мы сами можем потребовать от вас. Имея единственным вознаграждением свою совесть и единственным судьей — историю, поведем вперед нашу любимую страну, испрося у Всевышнего благословения и помощи, но не забывая, что здесь, на земле, дело Господне должно твориться нашими руками.

*Инаугурационная речь Джона Кеннеди
на английском языке*

JOHN F. KENNEDY
Washington, D.C., 20 January 1961

“The torch has been passed to a new generation of Americans” (inaugural address)

We observe today not a victory of party, but a celebration of freedom – symbolizing an end, as well as a beginning – signifying renewal, as well as change. For I have sworn before you and Almighty God the same solemn oath our forebears prescribed nearly a century and three-quarters ago.

The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe – the belief that the rights of man come not from the generosity of the state, but from the hand of God.

We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans – born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage – and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this nation has always been committed., and to which we are committed today at home and around the world.

Let every nation know, whether it wishes us well or ill, that we shall pay any price, bear any burden, meet any hardship, support any friend, oppose any foe, in order to assure the survival and the success of liberty.

This much we pledge – and more.

To those old allies whose cultural and spiritual origins we share, we pledge the loyalty of faithful friends. United, there is little we cannot do in a host of cooperative ventures. Divided, there is little we can do – for we dare not meet a powerful challenge at odds and split asunder.

To those new states whom we welcome to the ranks of the free, we pledge our word that one form of colonial control shall not have passed away merely to be replaced by a far more iron tyranny. We shall not always expect to find them supporting our view. But we shall always hope to find them strongly supporting their own freedom – and to remember that, in the past, those who foolishly sought power by riding the back of the tiger ended up inside.

To those peoples in the huts and villages across the globe struggling to break the bonds of mass misery, we pledge our best efforts to help them help themselves, for whatever period is required – not because the Communists may be doing it, not because we seek their votes, but because it is right. If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich.

To our sister republics south of our border, we offer a special pledge – to convert our good words into good deeds – in a new alliance for progress – to assist free men and free governments in casting off the chains of poverty. But this peaceful revolution of hope cannot become the prey of hostile powers. Let all our neighbors know that we shall join with them to oppose aggression or subversion anywhere in the Americas. And let every other power know that this hemisphere intends to remain the master of its own house.

To that world assembly of sovereign states, the United Nations, our last best hope in an age where the instruments of war have far outpaced the instruments of peace, we renew our pledge of support – to prevent it from becoming merely a forum for invective – to strengthen its shield of the new and the weak – and to enlarge the area in which its writ may run.

Finally, to those nations who would make themselves our adversary, we offer not a pledge but a request: that both sides begin anew the quest for peace, before the dark powers of destruction unleashed by science engulf all humanity in planned or accidental self-destruction.

We dare not tempt them with weakness. For only when our arms are sufficient beyond doubt can we be certain beyond doubt that they will never be employed.

But neither can two great and powerful groups of nations take comfort from our present course – both sides overburdened by the cost of modern weapons, both rightly alarmed by the steady spread of the deadly atom, yet both racing to alter that uncertain balance of terror that stays the hand of mankind's final war.

So let us begin anew – remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear. But let us never fear to negotiate.

Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us.

Let both sides, for the first time, formulate serious and precise proposals for the inspection and control of arms – and bring the absolute power to destroy our nations under the absolute control of all nations.

Let both sides seek to invoke the wonders of science instead of its terrors. Together let us explore the stars, conquer the deserts, eradicate disease, tap the ocean depths, and encourage the arts and commerce.

Let both sides unite to heed in all corners of the earth the command of Isaiah – to 'undo the heavy burdens... and to let the oppressed go free.'

And if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating a new endeavor, not a new balance of power, but a new world of law, where the strong are just and the weak secure and the peace preserved.

And this will not be finished in the first 100 days. Nor will it be finished in the first 1,000 days, nor in the life of this Administration, nor even perhaps in our lifetime on this planet. But let us begin.

In our hands, my fellow citizens, more than in mine, will rest the final success or failure of our course. Since this country was founded, each generation of Americans has been summoned to give testimony to its national loyalty. The graves of young Americans who answered the call to service surround the globe.

Now the trumpet summons us again – not as a call to bear arms, though arms we need; not as a call to battle, though embattled we are – but a call to bear the burden of a long twilight struggle, year in and year out, 'rejoicing in hope, patient in tribulation' – a struggle against the common enemies of man: tyranny, poverty, disease, and war itself.

Can we forge against these enemies a grand and global alliance, North and South, East and West, that can assure a more fruitful life for all mankind? Will you join in that historic effort?

In the long history of the world, only a few generations have been granted the role of defending freedom in its hour of maximum danger. I do not shrink from this responsibility – I welcome it. I do not believe that any of us would exchange places with any other people or

any other generation. The energy, the faith, the devotion which we bring to this endeavor will light our country and all who serve it – and the glow from that fire can truly light the world.

And so, my fellow Americans, ask not what your country can do for you – ask what you can do for your country.

My fellow citizens of the world, ask not what America will do for you, but what together we can do for the freedom of man.

Finally, whether you are citizens of America or citizens of the world, ask of us the same high standards of strength and sacrifice which we ask of you. With a good conscience our only sure reward, with history the final judge of our deeds, let us go forth to lead the land we love, asking His blessing and His help, but knowing that here on earth God's work must truly be our own.

Квантитативный анализ инаугурационной речи Д. Кеннеди

We (us) – 42, Our – 23, Country (nation) – 10, Power (powerful) – 9, World – 8, Pledge – 7, Let us – 6, Let – 5, Let both sides – 5, Peace (peaceful) – 5, Generation – 5, Free – 5, Freedom – 4, Man – 4, Human – 4, Americans – 4, God – 3, Let us begin – 2, America – 2.

*«Правда»,
13 июня 1963 г., с. 3.*

Выступление президента США Дж. Кеннеди в Американском университете в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия)

Нью-Йорк, 12 июня

На земле есть мало вещей, более прекрасных, чем университет, писал Джон Мейсфилд, отдавая дань восхищения английским университетам; и его слова в равной мере верны и сейчас. Он имел в виду не шпили и башни, не зеленые лужайки университетских городков и увитые плющом стены. Он говорил, что восхищается изумительной красотой университета, ибо это — «место, где те, кто ненавидит невежество, могут стремиться к знаниям, где те, кто постиг истину, могут стремиться показать ее другим».

Поэтому я выбрал это время и это место, чтобы обсудить вопрос, в отношении которого слишком часто царит невежество и слишком редко постигается истина; и тем не менее это самый важный вопрос на земном шаре — мир во всем мире.

Какого рода мир я имею в виду? К какого рода миру мы стремимся? Это не Пакс американа, навязанный человечеству американским оружием ведения войны. Это не мир могилы или безопасность раба.

Я говорю о подлинном мире, о таком мире, ради которого стоит жить на земле, о таком мире, который дает возможность людям и странам расти и надеяться создать лучшую жизнь для своих детей — не только мир для американцев, но мир для всех людей; не только мир в наше время, но мир на все времена.

Я говорю о мире, потому что у войны новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаться без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в 10 раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям.

Сегодня ежегодное расходование миллиардов долларов на оружие, приобретаемое с целью обеспечить такое положение, когда нам никогда не придется применить его, необходимо для сохранения мира. Но, конечно, приобретение таких бесполезных запасов, которые могут только уничтожать и не могут создавать, не является единственным и тем более самым эффективным способом обеспечения мира.

Поэтому я говорю о мире, как о необходимой разумной цели разумных людей. Я понимаю, что стремление к миру не носит такого драматического характера, как стремление к развязыванию войны, и часто слова того, кто стремится к миру, не встречают живого отклика. Однако у нас нет более настоящей задачи, чем эта.

Некоторые утверждают, что бесполезно говорить о мире во всем мире, о всемирном законе или о всемирном разоружении и что это будет бесполезно до тех пор, пока руководители Советского Союза не станут придерживаться более просвещенной позиции. Я надеюсь, что они будут ее придерживаться. Я считаю, что мы можем помочь им в этом. Однако я считаю также, что мы должны пересмотреть и свое собственное отношение, как отдельные граждане и как нация в целом, ибо наше

отношение так же важно, как и их. Каждый, кто окончил это учебное заведение, каждый мыслящий гражданин, который ненавидит войну и хочет помочь осуществить мир, должен прежде всего посмотреть на самого себя, проанализировать свое собственное отношение к возможностям мира, к Советскому Союзу, к ходу холодной войны и к свободе и миру здесь, в нашей стране.

Во-первых, давайте пересмотрим свое отношение к самому делу мира. Слишком многие из нас считают его невозможным. Слишком многие считают его нереальным. Но это опасное, пораженческое убеждение. Оно приводит к выводу, что война неизбежна, что человечество обречено, что мы находимся во власти сил, которые мы не в состоянии контролировать.

Мы не должны принимать такую точку зрения. Наши проблемы – дело рук человека и поэтому могут быть разрешены человеком. А человек может быть таким великим, каким он хочет быть. Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ. Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым, и мы верим, что они смогут сделать это снова.

Я имею в виду не абсолютную, бесконечную концепцию всеобщего мира и доброй воли, о которой все еще мечтают некоторые фантазеры и фанатики. Я не отрицаю ценности надежд и мечты, но мы вызовем лишь разочарование и недоверие, если сделаем их своей единственной и непосредственной целью.

Давайте сосредоточимся вместо этого на более практическом, более достижимом мире, основанном не на внезапной революции в человеческой природе, а на постепенной эволюции человеческих институтов – на ряде конкретных действий и эффективных соглашений, которые были бы в интересах всех заинтересованных. Нет какого-то одного простого ключа к этому миру, нет какой-то великой или магической формулы, которую может принять одна или две державы. Подлинный мир должен быть продуктом деятельности многих стран, результатом многих акций. Он должен быть динамичным, а не статичным, меняясь, чтобы соответствовать вызову каждого поколения. Ибо мир – это определенный процесс, способ разрешения проблем.

При таком мире все еще будут существовать ссоры и противоречивые интересы, как они существуют в семьях и в странах. Мир во всем мире, так же как мир в общине, не требует, чтобы каждый человек любил своего соседа, – он требует, чтобы они жили вместе, проявляя взаимную терпимость, представляя свои споры на справедливое и мирное разрешение. А история учит нас, что вражда между странами, так же как и между отдельными лицами, не длится вечно. Сколь бы установившимися ни казались наши симпатии и антипатии, ход времени и событий часто будет приносить удивительные изменения в отношениях между странами и соседями.

Поэтому будем упорно добиваться своего. Мир не обязательно должен быть неосуществимым, а война не обязательно должна быть неизбежной. Определив свою цель более четко, сделав так, чтобы она казалась более легко достижимой и менее далекой, мы можем помочь всем народам увидеть ее, черпать надежду в ней и упорно двигаться к ней.

Во-вторых, давайте пересмотрим свое отношение к Советскому Союзу. Печально думать, что его руководители могут в действительности верить в то, что постоянно пишут их пропагандисты. Печально было читать недавний авторитетный советский труд о военной стратегии и обнаруживать на одной странице за другой совершенно необоснованные и невероятные заявления – такие, как утверждение, что «американские империалистические круги готовятся к развертыванию различных

видов войн... что существует весьма реальная угроза развязывания превентивной войны американскими империалистами против Советского Союза... (и что) политические цели американских империалистов состоят в экономическом и политическом порабощении европейских и других капиталистических стран... (и) завоевании мирового господства... посредством агрессивных войн».

Поистине, как было сказано очень давно, «зло бежит, когда его никто не преследует». Однако грустно читать эти советские заявления и сознавать, какая огромная пропасть разделяет нас. Но в то же время это служит предупреждением – предупреждением американскому народу не попадать в ту же ловушку, что и Советский Союз, – не видеть другую сторону только в извращенном и приводящем в отчаяние свете, не считать конфликт неизбежным, примирение невозможным и не рассматривать общение всего лишь как обмен эпитетами и угрозами.

Ни одна форма правления или социальная система не являются столь скверными, что следует считать, будто у его народа отсутствует добродетель. Как американцы, мы находим коммунизм глубоко отталкивающим, как отрицание личной свободы и достоинства. Но в то же время мы можем приветствовать русский народ за его многочисленные достижения – в области экономического и промышленного роста, в области культуры и актов мужества.

Среди многих общих черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более сильной черты, чем наше взаимное отвращение к войне. Почти уникальным в отношениях между крупнейшими державами мира является тот факт, что наши страны никогда не воевали друг с другом. И ни одна страна за всю историю войны не пострадала больше, чем пострадала русская страна в ходе Второй мировой войны. В этой стране погибло не менее 20 миллионов человек. Бесчисленные миллионы жилищ и ферм были сожжены или разграблены. Третья часть всей территории страны, в том числе почти 2/3 ее промышленной базы, была превращена в руины – потеря, равноценная опустошению всей нашей страны на восток от Чикаго.

Если сегодня снова начнется тотальная война – независимо от того, как бы она ни началась, – первыми ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительный факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, ради чего мы трудились, все будет уничтожено. И даже в холодной войне, которая несет с собой бремя и опасности столь многим странам, в том числе и нашим самым близким союзникам, – наши две страны несут самое тяжелое бремя. Ведь обе наши страны выделяют огромные суммы на создание оружия массового уничтожения, и эти суммы можно было бы лучше использовать для борьбы с невежеством, нищетой и болезнями. Обе наши страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения на одной стороне порождают подозрения на другой стороне, а в ответ на новое оружие создается контроружие.

Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений. Соглашения, содействующие достижению этой цели, отвечают интересам СССР так же, как и нашим интересам, и можно рассчитывать, что даже самые враждебные страны примут и будут выполнять те договорные обязательства, и только те договорные обязательства, которые отвечают их интересам.

Итак, не будем закрывать глаза на наши разногласия, но обратим также наше внимание на наши общие интересы и на те средства, с помощью которых можно

устранить эти разногласия. И если мы не можем сейчас положить конец нашим разногласиям, то по крайней мере можем содействовать созданию такого мира, в котором сможет существовать разнообразие. Ведь в конечном счете основное, что нас связывает, – этот тот факт, что все мы живем на этой планете. Все мы дышим одним воздухом. Все мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны.

В-третьих, рассмотрим же вновь наше отношение к холодной войне. Следует помнить, что мы не ведем дебаты, стараясь нагромоздить один спорный момент на другой. Мы здесь не для того, чтобы распределять вину или грозить указующим перстом. Мы должны иметь дело с миром таким, какой он есть, а не с таким, каким он мог бы быть, если бы история последних 18 лет была иной.

Поэтому мы должны упорно добиваться мира в надежде, что конструктивные перемены внутри коммунистического блока могут приблизить решения, достижение которых сейчас кажется нам недоступным. Мы должны вести наши дела таким образом, чтобы в интересах коммунистов было бы согласиться на установление подлинного мира. И прежде всего, неизменно защищая свои интересы, ядерные державы должны избегать таких столкновений, когда перед противником встанет выбор – либо унижительное отступление, либо ядерная война. Принятие такого курса в ядерный век было бы свидетельством лишь банкротства нашей политики или свидетельством коллективного желания смерти для всего мира.

Для достижения этих целей Америка располагает таким оружием, которое не используется в провокационных целях, тщательно контролируется, предназначается для устрашения и может быть использовано по выбору. Наши вооруженные силы преданы делу мира, дисциплинированы и умеют сдерживать себя. Нашим дипломатам дано указание избегать действий, способных вызвать ненужное раздражение, а также избегать чисто риторических враждебных высказываний.

Ведь мы не можем добиваться ослабления напряженности, не ослабляя в то же время нашу бдительность. Нам не требуется прибегать к угрозам в доказательство нашей решимости. У нас нет необходимости глушить иностранные радиопередачи из опасения, что наша вера будет подорвана. Мы не хотим навязывать нашу систему какому-нибудь народу, не желающему принять эту систему, но мы хотим, и мы можем вести мирное соревнование с любой другой системой на земном шаре.

Тем временем мы стремимся укрепить Организацию Объединенных Наций, способствовать решению ее финансовых проблем, ее более действенным инструментом мира, превратить ее в подлинную систему международной безопасности — систему, способную урегулировать споры на базе закона, обеспечивать безопасность больших и малых стран, создавать условия, в которых оружие можно будет в конечном счете уничтожить.

В то же время мы стремимся сохранять мир внутри некоммунистического мира, в котором многие страны – а все они наши друзья – разошлись из-за вопросов, ослабляющих единство Запада, провоцирующих коммунистическое вмешательство или грозящих привести к войне.

Усилия, предпринимаемые нами в Западной Новой Гвинее, в Конго, на Среднем Востоке и на полуострове Индостан, носят настойчивый и терпеливый характер, несмотря на критику с обеих сторон. Мы пытаемся также показать пример другим, стараясь устранить небольшие, но существенные разногласия с нашими ближайшими соседями в Мексике и Канаде.

Говоря о других странах, я хочу внести ясность в одном вопросе. Мы связаны союзами со многими странами. Эти союзы существуют, ибо их задачи и наши задачи

в значительной мере переплетаются. Наше обязательство защищать Западную Европу и Западный Берлин, например, остается неизменным ввиду идентичности наших жизненных интересов. Соединенные Штаты не заключат никакой сделки с Советским Союзом в ущерб другим странам и другим народам не только потому, что это наши партнеры, а потому что их интересы и наши интересы совпадают.

Наши интересы, однако, совпадают не только там, где речь идет о защите границ свободы, но и там, где речь идет о поисках путей, ведущих к миру. Мы надеемся – и такова цель политики союзников – убедить Советский Союз, что он также должен позволить каждой стране самостоятельно выбирать свое будущее, если этот выбор не препятствует выборам других. Попытки коммунистов навязать другим свою политическую и экономическую систему – сегодня главная причина международной напряженности. Ведь не может быть никакого сомнения в том, что, если все страны смогут воздерживаться от вмешательства в самоопределение других стран, мир будет гораздо надежнее обеспечен.

Это потребует новых усилий для создания мирового правопорядка — нового контекста для международных дискуссий. Это потребует большего взаимопонимания между СССР и нашей страной, а большее взаимопонимание потребует больших контактов и связей.

Одним из шагов в этом направлении является предложенное соглашение об установлении прямой линии связи между Москвой и Вашингтоном с целью избежать на каждой стороне опасных задержек, неправильного понимания и неправильного толкования действий со стороны, что может произойти во время кризиса.

Мы разговариваем в Женеве и о других мерах первого шага, мерах по контролю над оружием, призванных ограничить интенсивность гонки вооружений и уменьшить опасность случайной войны. Однако в Женеве наша главная, долгосрочная цель — это достижение всеобщего и полного разоружения, которое должно произойти по этапам, разрешая параллельное проведение политических мероприятий по созданию новых институтов мира, которые заняли бы место оружия. На поиски разоружения направлены усилия правительства нашей страны, начиная с 1920 годов.

Разоружения настойчиво добивались последние три правительства, и какими бы неясными не были сегодня перспективы, мы намерены продолжать наши усилия — продолжать с тем, чтобы все страны, включая нашу собственную страну, могли бы лучше понять, каковы подлинные проблемы и каковы подлинные возможности в области разоружения.

Единственная важная область этих переговоров, в которой уже виден конец, — но где новое начало все же остро необходимо — это договор о запрете ядерных испытаний. Заключение такого договора — столь близкое и в то же время столь далекое — остановило бы стремительно развивающуюся гонку вооружений в одной из самых опасных областей. Этот договор поставил бы ядерные державы в такое положение, когда они могли бы успешнее справиться с одной из самых страшных угроз, нависших над человечеством — угрозой дальнейшего распространения ядерного оружия. Это усилило бы нашу безопасность, это уменьшило бы возможность возникновения войны. Эта цель, конечно, достаточно важна для того, чтобы требовать наших неуклонных усилий. При этом мы не должны поддаваться соблазну отказаться от всех усилий, соблазну отказаться от наших поисков жизненно важных гарантий.

Поэтому я хочу использовать представившуюся мне возможность и объявить о двух важных решениях, принятых в этой связи:

Во-первых, председатель Хрущев, премьер-министр Макмиллан и я договорились о проведении в скором времени в Москве переговоров на высоком уровне с целью достижения скорейшего соглашения по поводу всестороннего договора о запрещении ядерных испытаний. Учитывая опыт истории, мы не должны предаваться слишком большим надеждам, но ведь наши надежды — это надежды всего человечества.

Во-вторых, для того, чтобы ясно продемонстрировать наши добрые намерения и серьезную уверенность в этом вопросе, я заявляю, что Соединенные Штаты не намереваются проводить ядерные испытания в атмосфере, если другие страны не будут их проводить. Мы не возобновим такие испытания первыми. Такое заявление не является заменой официального обязательного договора, но я надеюсь, оно поможет нам добиться заключения такого договора. К тому же такой договор не может служить заменой для разоружения, но я надеюсь, что он поможет нам добиться разоружения.

И в заключении, мои соотечественники, американцы, пересмотрим нашу позицию в вопросах мира и свободы здесь, внутри страны.

Характер и дух нашего собственного общества должны оправдывать и поддерживать наши усилия за границей. Мы должны проявить это в посвящении своих собственных жизней, служа бесплатно в «корпусе мира» за границей и в проектируемом корпусе национальной службы здесь, внутри страны, — и многие из вас, оканчивающих сегодня учение, будут иметь исключительную возможность сделать это.

Однако, где бы мы не были, все мы должны повседневно жить согласно вековой вере в то, что мир и свобода должны идти рука об руку. В слишком многих наших городах сегодня мир ненадежен потому, что свобода неполна.

Обязанность органов исполнительной власти на всех уровнях — местном, в штатах и на общенациональном — обеспечивать и защищать эту свободу для всех граждан всеми средствами, находящимися в их власти. Обязанность законодательных органов на всех уровнях — всюду, где эта власть сейчас недостаточна, сделать ее достаточной.

И, наконец, обязанность всех граждан всех слоев уважать права всех других и уважать закон страны.

Нельзя сказать, чтобы все это не имело отношения к всеобщему миру. Как говорит нам Библия, когда пути человека нравятся господу, он заставляет быть с ним в мире даже его врагов. А разве в конечном счете мир не является прежде всего вопросом прав человека — права жить своей собственной жизнью без страха уничтожения, права дышать воздухом, каким его дает нам природа, права будущих поколений на здоровое существование?

Добиваясь защиты своих национальных интересов, давайте защищать также человеческие интересы. А упразднение войны и оружия, несомненно, отвечает и тем и другим интересам. Никакой договор — сколь бы выгодным он ни был для всех, сколь бы тщательно он ни был сформулирован, не может обеспечить абсолютной гарантии от опасности обмана и уклонения. Однако он может — если он достаточно эффективен в своем претворении в жизнь и если он в достаточной мере отвечает интересам подписавших его — дать гораздо большую безопасность и гораздо меньше

риска, чем безудержная, неконтролируемая гонка вооружений, последствия которой невозможно предсказать.

Соединенные Штаты, как это знает мир, никогда не начнут войны. Мы не хотим войны. Мы не ждем сейчас войны. Нынешнее поколение американцев имело достаточно – более чем достаточно — войны, ненависти и угнетения. Мы будем готовы к войне, если другие захотят ее. Мы будем настороже, чтобы попытаться остановить ее. Но, кроме того, мы сыграем свою роль, чтобы создать всеобщий мир, где слабый находился бы в безопасности, и сильный был бы справедлив. Мы не беспомощны перед этой задачей и не считаем, что нет надежды на ее успех. С чувством уверенности, не испытывая боязни, мы стремимся не к стратегии уничтожения, а «к стратегии мира».

Джон Кеннеди в зеркале цитат и высказываний

О войне и мире

...Самый важный вопрос на земном шаре – мир во всем мире.

...Я говорю о мире, как необходимой разумной цели разумных людей.

...Я говорю о подлинном мире, о таком мире, ради которого стоит жить на земле, о таком мире, который дает возможность людям и странам расти и надеяться создать лучшую жизнь для своих детей — не только мир для американцев, но мир для всех людей; не только мир в наше время, но мир на все времена.

Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям.

Подлинный мир должен быть продуктом деятельности многих стран, результатом многих вещей.

...Мир – это определенный процесс, способ разрешения проблем.

Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ. Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым, и мы верим, что они смогут сделать это снова.

Мир во всем мире, так же как мир в общине, не требует, чтобы каждый человек любил своего соседа, – он требует лишь, чтобы они жили вместе, проявляя взаимную терпимость, представляя свои споры на справедливое и мирное разрешение.

Война, случись она сегодня или завтра, не будет похожа ни на один из предыдущих конфликтов. Обмен широкомасштабными ядерными ударами мог бы за один час уничтожить 300 миллионов американцев, европейцев и русских. Давайте же попытаемся избавить мир от войны.

Либо человечество покончит с войной, либо война покончит с человечеством.

О Советском Союзе и Соединенных Штатах

Как американцы, мы находим коммунизм глубоко отталкивающим, как отрицание личной свободы и достоинства. Но в то же время мы можем приветствовать русский народ за его многочисленные достижения — в области науки и космоса, в области экономического и промышленного роста, в области культуры и актов мужества.

Среди многих общих черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более сильной черты, чем наше взаимное отвращение к войне.

Почти уникальным в отношениях между крупнейшими державами мира является тот факт, что наши страны никогда не воевали друг с другом.

...Ни одна страна за всю историю войны не пострадала больше, чем пострадала русская страна в ходе Второй мировой войны. В этой стране погибло не менее 20 миллионов человек. Бесчисленные миллионы жилищ и ферм были сожжены или разграблены. Третья часть всей территории страны, в том числе 2/3 промышленной базы, была превращена в руины – потеря, равноценная опустошению всей нашей страны на восток от Чикаго.

...Как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений.

...В конечном счете основное, что нас связывает, – это тот факт, что все мы живем на этой планете. Все мы дышим одним воздухом. Все мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны.

О переговорах

Лучше встречи в верхах, чем на краю пропасти.

Мы не можем вести переговоры по принципу: «Что мое – то мое, а о вашем поговорим».

О дипломатах

Я убедился, что дипломату нужны железные нервы профессионального карманника.

Нашим дипломатам дано указание избегать действий, способных вызвать ненужное раздражение, а также избегать чисто риторических враждебных высказываний.

Из ответа сторонникам обострения карибского конфликта

Меня беспокоит не первая ступенька, а то, что обе стороны совершат эскалацию на четвертую и пятую, а до шестой мы не доберемся просто потому, что некому будет это сделать.

Родина. Отечество

Не спрашивай, что твоя родина может сделать для тебя, - спроси, что ты можешь сделать для своей родины.

Права. Свобода. Революции

Пусть каждый американец стоит за свои права, хотя бы сидя. (О сидячих забастовках борцов за гражданские права)

Свобода неделима: если хотя бы один человек поработан, все не свободны.

Те, кто делает мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной.

О борьбе с бедностью

Если свободное общество не сможет помочь многим бедным, оно не сможет защитить немногих богатых.

О лоббистах

Потребитель – единственный человек в нашей экономике, у которого нет могущественных лоббистов в Вашингтоне.

О пропаганде

Худший враг истины – это часто не ложь, преднамеренная, изобретательная и бесчестная, а миф — живучий, правдоподобный и увлекательный.

О спичрайтерах

Гораздо легче писать речи, чем принимать окончательное решение.

О реформах и реформаторах

В кресле-качалке есть ощущение движения и нет никакого риска.

О себе

Когда я вступил в должность президента, больше всего меня поразило то, что дела действительно были так плохи, как мы утверждали.

Чем больше я делаю глупостей, тем популярнее я становлюсь.

В ответе на вопрос журналистов о том, как он стал героем войны с японцами Д. Кеннеди сказал:

«Это вышло произвольно. Они потопили мой корабль».

В диалоге с отцом

Джозеф Кеннеди очень любил свою внучку, дочь президента Джона Кеннеди. Отец: «Кэролайн очень смышленная девочка, ты в ее возрасте таким не был».

Сын: «Ничего удивительного, посмотри, кто мой отец, и кто ее».

Однажды в Белом доме

В 1962 году, на обеде в честь нобелевских лауреатов, Джон Кеннеди сказал:

– В Белом доме никогда еще не было столь высокой концентрации таланта и гения, за исключением разве что тех случаев, когда Томас Джефферсон обедал здесь в одиночку.

(О третьем президенте США, авторе проекта независимости США).

В знак благодарности кинозвезде Мэрилин Монро за ее пение «С днем рождения», обращенное президенту: «После того как мне оказана такая честь, я могу покинуть политику».

О бизнесменах

Мой отец всегда говорил, что бизнесмены – подлецы, но до сих пор я этому не верил.

О прогрессе

Соединенные Штаты должны двигаться очень быстро даже для того, чтобы стоять на месте.

Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей она помнит.

Высказывания о Д. Кеннеди

Роберт Макнамара:

Министр обороны США во время президентства Джона Кеннеди и Линдона Джонсона.

«Джон Ф. Кеннеди рассматривал мир как историю. Он обладал широким кругозором.

Он действительно был великим руководителем, с необычайной харизмой и способностью вдохновлять. Он одинаково сильно воздействовал на молодых и стариков, у себя в стране и за рубежом, а его слова и действия находили отклик в сердцах многих людей – редкий и бесценный дар у политических лидеров.

Он добился того, что мы в нашем несовершенном мире стали чаще смотреть вверх, на звезды.

И его наследие продолжает жить. Спустя много лет после его гибели я путешествовал с Марджи как президент Мирового банка. Мы посетили отдаленные уголки мира, побывали в заброшенных и труднодоступных деревнях Индии, Нигерии и Парагвая, где редко видели американцев. Мы снова и снова обнаруживали фотографии, вырезанные из газет или журналов или висевшие на стенах деревенских домов как одна из самых дорогих реликвий для хозяев дома. Людям нужны герои. Они обрели одного из таких героев в Джоне Ф.Кеннеди.

Я твердо уверен в том, что, будь он жив, наша страна и мир были бы лучше».

*Роберт Макнамара.
Вглядываясь в прошлое. Трагедия
и уроки Вьетнама. Научно-издательский центр
«Ладомир». Москва, 2004, с. 123.*

Барак Обама

Президент США Барак Обама, будучи еще сенатором, в своей книге «Дерзость надежды» неоднократно упоминая имя Кеннеди как политика, президента, цитирует его размышления, когда предшественник еще был сенатором, из его книги «Профили мужества»:

Когда подходит моя очередь голосовать, мне на ум часто приходит отрывок из «Рассказов о мужестве», написанных Джоном Кеннеди полвека назад:

Мало кто сталкивается со столь ужасной необходимостью принятия окончательного решения, как сенатор, которому предстоит голосовать за какой-нибудь важный законопроект. Может быть, ему нужно чуть-чуть времени, чтобы обдумать свое решение, может быть, он считает, что стороны еще не все сказали, может быть, он уверен, что небольшие изменения устранят все трудности, но, когда подходит его очередь, он уже не может скрыться, не может увильнуть, не может медлить; он чувствует, что его избиратель сидит рядом, на его сенаторском кресле и, как ворон в поэме Эдгара По, кричит: «Никогда», в то время как сенатор, голосуя, определяет свое политическое будущее.

Может быть, здесь есть некоторое преувеличение. И все же ни один законодатель, ни государственный, ни Федеральный, никогда еще не избегал этой непростой участи, всегда гораздо худшей для той партии, которая не находится в данный момент у власти.

*Барак Обама. Дерзость надежды.
Мысли о возрождении американской мечты.
Санкт-Петербург,
Издательский Дом «Азбука классика», 2008, с. 147-148*

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев С. Карибский кризис. Как это было. – Эхо планеты, 1988, № 33.
- Броган Х. Джон Кеннеди. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 1977.
- Воронов Ю.С., Новичкова В.И. Риторика и политика в лицах. XX век. – Саратов, Изд. Центр СГСЭУ, 2001.
- Громыко А.А. Памятное: в 2-х т. – М., 1988.
- Громыко А.А. 1036 дней президента Кеннеди. – М., 1969.
- Джон Кеннеди / Пер. с фр.; предисловие А.Уткина. М., 1999.
- Джон Кеннеди. Профили мужества / Пер. С англ. Э. А. Иваняна. – М.: Международные отношения, 2005.
- Дипломатический словарь: В 3 т. – М., Т. 2, 1986.
- Зорин В. Мистеры миллиарды. – М., 1968.
- Лосев С., Петрусенко В. Эхо выстрелов в Далласе. – М., 1983.
- Майроф Брюс. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. – М.: Издательство «Весь мир», 2000.
- Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое. Трагедия и уроки Вьетнама. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004.
- Маггиас Л. Обратная сторона США / Пер. с нем. А. П. Аретемова. – М., 1968.
- Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. – М., 1983.
- Меньшиков М.А. Вашингтон, 16-я улица. Из записок советского посла. – М., 1986.
- Молчанов Н. Генерал де Голль. – М., 1988.
- Обама Б. Дерзость надежды: мысли и возрождение американской мечты – Спб: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008.
- Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встреча. – М., 1988.
- Хрущев Н.С. Материалы к биографии. – М., 1989.
- Beshloss. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963. N.Y. Harper Collins, 1991.
- Kennedy J.F. Jet the Word Go Forst: The speeches, statements and Writings of John F.Kennedy 1947 to 1963 (Theodore Sorensen). –N.Y. 1988.
- Kennedy J.F. Why England Slept. – London, 1962.
- Kennedy J.F. To turn the tide. – N.Y. 1962.
- Kennedy J.F. Profiles in courage. – N.Y. 2000.
- Kennedy J.F. Inaugural Address / Great Speeches. – London, 1997.
- Kennedy J.F. Thirteen days. A memoir of the Cuban crisis. – N.Y. 1969.
- Hilsman R. To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City: Doubleday, 1967.
- Nolting F. From Trust to Tragedy: The Political Memoirs of Frederick Nolting, Kennedys Ambassador to Diems Vietnam. – N.Y. Praeger, 1988.
- Reeves R. President Kennedy: Profile of Power. Simon & Schuster, 1993
- Rust W.J. Kennedy in Vitnam. – N.Y.: Scribner, 1985.
- Schiesiger A.M. Jr. A thousand days. J.F. Kennedy in the White House. Cambridge, 1965.
- Sidey H. Kennedy. President. – N.Y., 1968.
- Sorengen T.C. Kennedy. 1965.
- Speeches that changed the world. – London. 2005.
- The Penguin Book of Twentieth-Century Speeches / Ed. Brian Macarthur. – L., 1999.